

A man with short brown hair, wearing a dark suit, white shirt, and red tie, stands in the foreground. He is looking slightly to his left. The background is a vibrant, stylized city street scene. On the left, there are multi-story brick buildings with many windows. On the right, there are more buildings and lush green trees. In the center background, a very tall, modern glass skyscraper reaches up into a blue sky with white clouds. The overall style is that of a digital painting or a high-quality illustration.

Виталий Мальков

**Самый
главный
начальник**

Виталий Мальков

Самый главный начальник

«Автор»

2025

Мальков В.

Самый главный начальник / В. Мальков — «Автор», 2025

Действие романа Виталия Малькова происходит в наше время в одном из областных центров России. Леонид Андреевич Авоськин, волею судьбы, становится начальником Городского Управления Учёта Нужд Общества (ГУУНО). Он стремится достигнуть высоких показателей в работе на своей новой должности чиновника и втайне мечтает стать Самым Главным Начальником...В романе сатирически показана наша нынешняя действительность, которая смешана с вымыслом. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

© Мальков В., 2025

© Автор, 2025

Содержание

САМЫЙ ГЛАВНЫЙ НАЧАЛЬНИК	6
Биография автора	7
КНИГА ПЕРВАЯ. ЖРЕЦ ГОСУДАРСТВА	8
Вместо пролога	9
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДОЛЖНОСТНОЕ ЛИЦО	11
1. Назначение	12
2. ГУУНО	18
3. Краткая биография	26
4. Беспокойные будни начальника	29
5. Тринадцатый отдел	37
6. Внеплановое совещание	44
7. Полковник Бекасов	52
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Виталий Мальков

Самый главный начальник

САМЫЙ ГЛАВНЫЙ НАЧАЛЬНИК

(Роман-небыль для руководителей среднего звена)

Биография автора

Виталий Олегович Мальков родился в 1972 году в городе Артёмовске Донецкой области (Украинская ССР). Проживает в Белгороде.

Образование высшее. Окончил Сибирскую государственную геодезическую академию (СГГА). Прослужил 15 лет в Уголовно-исполнительной системе, капитан внутренней службы в отставке.

Член Союза писателей России.

Публиковался в журналах: «Наш современник», «Роман-журнал XXI век», «Воин России», «Знание-сила: фантастика», «Подъём» (Воронеж), «Звонница» (Белгород); а также – в альманахе писателей Югры «Эринтур» (Ханты-Мансийск) и в белгородских литературных альманахах «Пересвет» и «Светоч», в газете ФСБ России «Граница России», в нескольких коллективных сборниках.

Автор пяти книг прозы: «Продавец книг», «Срок», «В пекле Огненной дуги», «Звездожитель» и «Самый главный начальник».

Лауреат всероссийского литературного конкурса имени генералиссимуса А. В. Суворова (2020 г.) в номинации «Проза и драматургия» за книгу «В пекле Огненной дуги».

Рассказы В. О. Малькова переведены в Сирии на арабский язык.

КНИГА ПЕРВАЯ. ЖРЕЦ ГОСУДАРСТВА

*Всякие совпадения с реальными людьми и названиями случайны,
поскольку все описанные в романе события никогда не происходили
и не имеют к реальности никакого отношения...*

Вместо пролога «Предание о Великом Начальнике и Абсолютных Инструкциях»

Давным-давно, в незапамятные времена, люди жили совершенно неуправляемо и хаотично, потому что не было тогда у них надлежащих Инструкций и Правил, кои являются основой любого порядка. И не известно, сколько ещё продолжалось бы всё это безобразие и к чему оно могло привести...

Но вот однажды явился к людям Великий Начальник, и был он очень мудр и знал ответы на любые вопросы, потому что у него были с собой все надлежащие Инструкции и Правила, без которых вообще невозможна никакая разумная жизнедеятельность. Откуда пришёл Он, никто толком не ведал, но иные поговаривали, что якобы прислал Великого Начальника лично Тот Кто Сидит Наверху. А это уже не шуточки...

И обратились тогда к Нему люди и попросили научить их жить упорядоченно и регламентировано, а то совсем неумоготу им стало от неразберихи и всякой свистопляски, творившейся в обществе.

Выслушал хмуро людей Начальник и, кивнув согласно, произнёс:

– Хорошо, я дам вам все надлежащие инструкции и Правила. Читайте их регулярно утром и вечером и делайте так, как в них написано. И тогда сами увидите и удивитесь, как изменится ваша жизнь к лучшему...

И создал Начальник Большое Учреждение, в котором было много разных кабинетов, и в каждом кабинете сидел чиновник. Одни чиновники постоянно писали всё новые и новые Инструкции (по мере износа старых), а другие вели строгий учёт этих Инструкций и контролировали их неукоснительное исполнение.

И всякий человек, попавший в Учреждение, сразу чувствовал всю свою ничтожность и понимал, что без чиновников ему никак не обойтись, ведь только они знали назначение каждого кабинета и могли подсказать, в какой Инструкции найти то, что требуется, и по каким Правилам эти инструкции исполнять. И если кто-то не знал, что и как ему делать, то сразу шёл в Большое Учреждение и получал там все необходимые ему Инструкции и Правила.

Так начались в обществе всевозможные реформы и преобразования, и вскоре люди действительно удивились, как изменилась к лучшему их жизнь.

– А ведь Он и в самом деле Великий Начальник, – говорили друг другу люди, поражаясь Его мудрости и дальновидности. – Без него мы бы совсем пропали...

И стали люди жить строго по Инструкциям и Правилам, данным им Великим Начальником, и воцарились в их обществе Закон и Порядок.

Но всё же находились и те, которые пытались Инструкции и Правила нарушать и которые утверждали, будто Начальник не Настоящий. И постепенно все эти нехорошие разговоры и слухи настолько распространились в обществе, что уже многие начали верить в это. И тогда собрались люди на совет и решили проверить, Настоящий ли это Начальник. И пришли они к Нему, и вышел из толпы людей один – самый неверующий и склонный к различным нехорошим проявлениям.

И сказал он Начальнику:

– Послушай, о мудрейший и прозорливейший. Ты снабжаешь всех нас надлежащими Инструкциями и Правилами. Это, конечно, очень хорошо, но... применимы ли твои Инструкции в глобальном масштабе? Если ты такой Великий Начальник, то напиши Инструкции для

зверей и птиц, рыб и разных букашек земных. Ведь в Природе сплошная анархия творится и совсем нет никаких Правил. Или не так?

Долго молчал Великий Начальник, обдумывая всё услышанное, а затем кивнул, соглашаясь с оратором.

– Да, ты прав, – ответил Он. – Но не совсем. Это только на наш, человеческий, взгляд звери и птицы, рыбы и букашки земные живут без всяких Правил и стихийно. На самом же деле в Природе всё устроено весьма мудро и вполне эффективно. Только не научились ещё мы понимать эту мудрость природную.

Засмеялся на эти слова тот, кто затеял всё это несанкционированное безобразие.

– Не верю я в то, что ты сказал. Просто ты не можешь написать таких Абсолютных Инструкций, а потому выходит, что ты не настоящий Начальник.

И поддались все остальные люди на такую наглую и вопиющую провокацию и зашумели возмущённо.

– Не нужен нам такой Начальник, который не может издать Абсолютных Инструкций! – закричали многие из толпы.

– Надо выбрать себе другого! – завопили самые оголтелые и не осознающие до конца всей серьёзности последствий такого заявления.

Грустно взирал Великий Начальник на бушующий менталитет, а затем молвил устало:

– Хорошо, пусть будет по-вашему. Я уйду, а вы выберете себе другого, самого достойного. И пусть он напишет вам самые Абсолютные Инструкции, по которым даже галактики будут вращаться.

Сказал Он так и ушёл, сложив свои полномочия. Наверное, он отправился в те далёкие края, где люди до сих пор живут безо всяких Правил и Инструкций, а потому великие бедствия терпят и мучаются от хаотичности своего бытия...

А собравшиеся выбрали демократическим путём себе нового Начальника (им почему-то оказался тот, кто всё это затеял), который, не будучи столь Великим и мудрым, как прежний, начал усиленно создавать видимость активной деятельности. Он создал множество всяких больших и малых Учреждений, а так же понастроил массу их Филиалов, в которых теперь копошились мириады чиновников разных уровней и рангов. Так же новый Начальник назначил себе разных заместителей, так как один уже не мог надлежащим образом руководить работой своего Аппарата.

И вся эта орава заместителей и чиновников создала такую великую путаницу и неразбериху, что уже никто-никто во всём этом мире не смог бы понять и разобраться, кто и чем именно занимается в Учреждениях и их Филиалах.

Люди же вскоре пришли в полную растерянность и погрузились в великое отчаяние, видя всё то, что сотворил новый Начальник со своими подчинёнными. Но уже ничего невозможно было изменить в этом новом Мироустройстве, и поэтому людям пришлось просто смириться с данным крайне негативным фактом...

Так они существуют и по сей день и постоянно мытарствуют, простаивая длиннющие очереди на приёмы к чиновникам, которые совсем распустились и стали даже требовать взятки за выдачу Инструкций и Правил. А людям пришлось эти взятки всюду давать, так как по-другому уже невозможно стало вести упорядоченный образ жизни.

Такое вот безобразие и сейчас мы можем наблюдать, и никто не знает, что теперь всем делать. Ведь Инструкции-то всем нужны! Ведь без них никакой вселенский Порядок просто невозможен...

Записано работником Большого Учреждения на основе вполне достоверных фактов...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДОЛЖНОСТНОЕ ЛИЦО

*Бюрократия разрастается, чтобы поспеть
за потребностями разрастающейся бюрократии.
Айзек Азимов*

1. Назначение

Точно в назначенное время Леонид Андреевич Авоськин стоял у входа в здание областной администрации, испытывая благоговейный трепет и волнение. Всем своим видом это здание напоминало входящему в него, что власть крепка, незыблема и вечна. Оно подавляло массивностью, а формой походило на неприступную крепость, и сразу было ясно, что её даже не стоит пытаться штурмовать. Рядом с этой твердыней власти человек ощущал себя ничтожной букашкой, которую легко можно втоптать в грязь, раздавить. Вероятно, таков и был замысел архитектора или тех, кто заказал ему проект Дома Советов в пятидесятых годах двадцатого века.

Впрочем, Авоськин всегда начинал волноваться, когда входил в какое-либо солидное учреждение. Потому что оно являлось для него воистину священным местом, храмом, где обязанности жрецов исполняют чиновники.

В фойе Леонид Андреевич назвал дежурившему на проходной полицейскому свою фамилию и, для пушей важности, добавил, что его пригласили.

– Проходите, – сделав звонок, сухо и даже, как показалось Авоськину, с некоторым пренебрежением ответил дежурный. – Второй этаж, налево по коридору.

Вежливо поблагодарив, Леонид Андреевич прошёл через турникет и поднялся по широкой парадной лестнице. На втором этаже он двинулся в указанном направлении, разглядывая таблички на массивных, деревянных дверях кабинетов и чувствуя, как в груди учащённо бьётся сердце, словно у студента перед вступительным экзаменом. Ещё бы, ведь он пришёл сюда затем, чтобы получить вожаемую работу, которую любил больше всего в жизни – руководящую.

Полгода назад Леонид Андреевич лишился её, а вместе с ней и своего уютного кабинета с милым сердцу креслом, а так же секретарши Аллочки, к которой питал особую привязанность. Эти полгода стали для Авоськина настоящим жизненным испытанием и чуть не довели его до отчаяния. Жена нигде не работала и поддерживала «домашний очаг», посещая разные необходимые ей в таком деле заведения: солярий, массажный кабинет, маникюрный и косметический салоны и фитнес-зал. Понятно, что на это каждый месяц требовались немалые деньги. Дочка Леонида Андреевича Инна тоже пока ничем определённым не занималась и готовилась удачно выйти замуж за какого-нибудь успешного жениха, для чего вынуждена была ходить по вечерам в разные ночные клубы, где такие женихи проводили свободное время. А на походы в ночные клубы дочери, естественно, так же нужна была некоторая сумма. В общем, если бы не скромные сбережения, сделанные им за годы работы, Авоськину пришлось бы весьма туго. Конечно, все эти шесть месяцев он не сидел сложа руки, а рассылал своё резюме в подходящие организации, но почему-то нигде не спешили его брать на работу, и это всё сильнее и сильнее удручало. И вот, наконец, неожиданно пришло долгожданное предложение, которое в корне могло изменить ситуацию...

Леонид Андреевич остановился перед дверью с табличкой:

Нагаев Никодим Наумович

Начальник департамента общественной политики

Именно сюда ему и было нужно. Никогда раньше он вживую не видел сидящего здесь человека, но много о нём слышал от осведомлённых людей, входящих во многие кабинеты.

Судя по слухам, в областную администрацию Нагаев пришёл из бизнеса. Причём, поговаривали, что у него имеется криминальное прошлое, берущее своё начало в «лихих девяностых». Конечно, официально Никодим Наумович считался добропорядочным предпринимателем и честным чиновником, но, в то же время, ходили кривотолки, будто он «нечист на руку»,

падок на женский пол, до сих пор имеет крепкие связи в преступном мире, и что якобы его побаивается даже сам губернатор.

Мысленно пожелав себе «ни пуха, ни пера», трижды поплевав через левое плечо, глубоко вдохнув и сделав резкий выдох, Авоськин вошёл в приёмную.

– Добрый день, – поздоровался он с секретаршей – молодой, полногрудой брюнеткой со строгим взглядом, одетой в деловой костюм. – Мне назначено на пятнадцать.

– Ваша фамилия? – спросила секретарша, глянув так недовольно и сердито, словно её оторвали от важного занятия.

– Авоськин.

– Одну секундочку, – сверившись со списком, ответила она и, встав из-за своего стола, важно прошествовала к двери, ведущей уже к самому начальнику.

– Никодим Наумович, к вам товарищ Авоськин, – томным, бархатным голосом произнесла она, улыбаясь в кабинет. – Хорошо, приглашаю.

Обернувшись к посетителю, секретарша мгновенно преобразилась, став прежней – строгой фурией.

– Входите, вас ждут.

Леонид Андреевич на негнущихся ногах вошёл в гостеприимно открытую дверь и оказался в просторном кабинете. Быстрым, намётанным взглядом опытного управленца он окинул внутреннюю обстановку, оценивая её и пытаясь понять, что его ждёт здесь.

Посреди кабинета стоял длинный стол, покрытый зелёным сукном. К этому столу примыкал другой – поменьше, и вместе эти два стола образовывали букву «Т», ножка которой была направлена в сторону двери. За вторым столом, в чёрном кожаном кресле, сидел плотный мужчина лет пятидесяти или чуть постарше, внешне похожий на Мюллера из фильма «Семнадцать мгновений весны». Он что-то медленно печатал двумя пальцами на клавиатуре ноутбука. На мужчине был строгий деловой костюм тёмно-серого цвета с переливом, указывавший на отменный вкус его обладателя. Галстук цвета «небесная маджента» благоприятно смотрелся на фоне пиджака.

Позади сидевшего в кресле на стене висели два портрета, на одном из которых был изображён Президент, а на втором – Губернатор. У правой, глухой, стены находился шкаф с множеством секций, заставленных и заложённых картонными и пластиковыми папками, книгами и журналами. В левой стене имелись два больших окна, сквозь которые кабинет был щедро наполнен солнечным светом.

– Здравствуйте. – Авоськин старался держаться с достоинством человека, знающего свою высокую цену, помня, что первое впечатление крайне важно. – Вы меня приглашали насчёт руководящей работы. Я вам резюме отправлял.

Никодим Наумович оторвался от компьютера и несколько секунд с любопытством разглядывал посетителя. Затем он расплылся в любезной улыбке, от которой, впрочем, Леониду Андреевичу сделалось не очень уютно. Потому что широкое, скуластое лицо начальника департамента стало похоже на кабанье рыло – не хватало только клыков.

– Да-да, конечно, ждём-ждём. – Нагаев сделал приглашающий жест. – Прошу.

Голос хозяина кабинета был звучным и неприятно-резким, выдавая в этом человеке сильную волю, высокомерие и ироничность.

Леонид Андреевич уверенно сел на один из боковых стульев, выбрав тот, что стоял примерно посередине. Так он делал всегда, когда находился на приёме у более крупного начальника, которого видел впервые.

Никодим Наумович раскрыл лежавшую перед ним красную картонную папку с тесёмками и достал из неё лист бумаги. Быстро пробежав взглядом его содержимое, он удовлетворённо кивнул.

– Я прочёл ваше резюме и ознакомился с вашим личным делом. Хм... – Нагаев положил бумагу на место и закрыл папку.

Только тут Леонид Андреевич заметил, что на папке чьим-то небрежным почерком было написано чёрным маркером «Авоськин Леонид Андреевич». Он растеряно заморгал, лихорадочно соображая, как могло сюда попасть его личное дело и, вообще, кто и с какой целью это дело на него завёл. Но больше поразила небрежность надписи, как будто имелся в виду не занимающий руководящую (пусть и в прошлом, но всё же) должность, а какой-то там обычный, рядовой работник, которого можно запросто, без веских причин и всяких объяснений, оставить без премии «по концу года» или уволить «по сокращению штатов», как ненужного или неугодного. Уж в таких «небрежностях» Авоськин разбирался очень хорошо, так как сам их раньше часто допускал...

– Признаюсь, прочёл не без интереса. – Мужчина побарабанил по папке длинными, тонкими пальцами, какие обычно бывают у пианистов. – В вашей трудовой биографии есть много... хм... так сказать, заслуживающих пристального внимания моментов. Вы понимаете, о чём я?

Леонид Андреевич отрицательно покачал головой и облизнул пересохшие губы. На его высоком лбу выступили капельки пота, а по спине пробежал неприятный холодок.

Нагаев неопределённо хмыкнул и отодвинул в сторону папку.

– Впрочем, бог с ней, вашей биографией. Я не следователь и отношусь вполне толерантно к таким... скажем так, маленьким слабостям наших руководителей. – Он неожиданно рассмеялся, отчего сделался ещё неприятней. – Простите, ради бога.

– Да я, в общем-то... – Авоськин попытался улыбнуться, но это получилось у него слишком натянуто – мешал шевелящийся в глубине души страх.

– В самом деле, какой начальник у нас в стране не ворует? А?

– Какой? – боязливо переспросил Леонид Андреевич.

– Да только идиот! Согласны? – Нагаев смотрел на него вполне серьёзно.

– Ну, в общем-то... – неуверенно пожал плечами Авоськин.

– Только идиот, – нахмурившись, повторил Нагаев. – Просто не все знают в этом деле меру. Особенно теперь...

– Ну да, ну да, – согласился Леонид Андреевич. Он припомнил, сколько раз сам едва удерживался от большого соблазна. Хотя, тут, скорее, срабатывала его излишняя боязливость. – Теперь-то особенно.

– Вот-вот, – кивнул хозяин кабинета, словно прочёл мысли сидящего перед ним. – Но вы-то ведь, насколько я понял, не из числа последних. Подумаешь, своя трёхкомнатная квартира и машина для дочери. Это чепуха, на это можно даже не обращать внимания. Даже странно, что всё так скромно.

– Вы так полагаете? – едва пролепетал вконец обескураженный Авоськин.

– Ну конечно. Как говорится, кто не без греха. Правильно? – Никодим Наумович лукаво прищурился. – Так что вы, дорогой мой Леонид Андреевич, здравомыслящий человек, который имеет вполне естественные желания и потребности. Именно из таких людей как вы во все времена получались самые лучшие руководители, и это не похвала в ваш адрес, а голая констатация факта. Уж поверьте мне на слово. – Он как-то странно улыбнулся. – Думаю, у нас вы окажетесь, так сказать, на своём месте.

– То есть, вы меня берёте? – Авоськин напрягся, ожидая вожденный ответ.

Нагаев несколько секунд смотрел на него испытывающее, и эти секунды показались Леониду Андреевичу вечностью.

– Да, мы вас берём, – наконец произнёс Никодим Наумович, и эта фраза прозвучала из его уст как Божественное откровение. – Наш компьютер, по специальной программе, выбрал именно вас из трёх десятков кандидатур. Так что, поздравляю и сразу ввожу вас в курс дела.

У Авоськина всё поплыло перед глазами от радости, в которую всё ещё верилось с трудом. Он даже едва не заплакал, но взял себя в руки и попытался сосредоточиться на словах Нагаева.

– Дело в том, что наш департамент постоянно реорганизуется, – говорил Никодим Наумович, не замечая состояния избранника. – Чуть больше года назад при нём создано Городское управление учёта нужд общества с широким кругом задач, и я думаю, что вы могли бы возглавить его.

– А каково направление деятельности Управления? – тотчас спросил Авоськин, чтобы показать свой профессиональный подход к делу.

Он прекрасно знал, что любое начальство любит, когда подчинённые «проявляют расторопность». Ведь он и сам когда-то на «отлично» освоил такое умение, благодаря чему успешно делал карьеру. На собственном опыте Леонид Андреевич убедился, что обычно ценят не того, кто всего себя отдаёт работе, а того, кто всё время вертится вокруг руководства и показывает, какой он незаменимый работник, который, к тому же, предан своему начальнику.

«Тут ведь тоже нужны способности, – считал Леонид Андреевич, – и не каждому это дано...»

– Ну, как вы можете судить по названию, деятельность эта тесно связана с нашим социумом. – Нагаев покривился, словно ему было неприятно говорить о социуме. – То есть, это нечто вроде обратной связи между властью и народом... Выявление острых социальных проблем и решение актуальных вопросов. Рассмотрение жалоб и принятие мер по ним, проведение встреч, собраний и прочих мероприятий и тому подобное... Но, самое главное, это работа с общественными организациями. Слишком много их нынче развелось. – Он недовольно поморщился. – Создают лишнюю суету и неразбериху да постоянно клянчат денежки из бюджета. Все хотят получать гранды на какие-то проекты и жаждут денег на своё содержание, поскольку якобы приносят пользу обществу... И игнорировать их, сами понимаете, мы не имеем права. Они ведь, чуть что, сразу жалобы строчат туда. – Он указал глазами вверх. – А оттуда потом давят на Губернатора. Мол, мы строим социально ориентированное государство всеобщего благоденствия. То бишь, социальная справедливость превыше всего... – Нагаев вздохнул. – Такая вот выходит катавасия, и ничего тут не попишешь. В то же время, не дай бог растратить деньги не на то... Сами знаете, что такое нецелевое использование... Вот и крутись тут...

– Да уж, тяжело сейчас быть чиновником, – искренне посочувствовал Авоськин.

– Не то слово. Работаете и постоянно оглядываетесь, боитесь сделать что-нибудь не так и не то... И всё же мы делаем, перебарывая свой страх. Делаем, несмотря ни на что, дорогой вы мой... Да, чтобы быть чиновником в наше непростое время требуется большое мужество. Да-да, мужество... Героическая это профессия, скажу я вам... – Глаза Нагаева повлажнели. Видимо, говорил он сейчас о самом сокровенном, о том, что наболело. – Короче, здесь вам предстоит навести порядок. Нужно разобраться с некоторыми из этих общественных организаций и определить, нужны ли они вообще. А для этого вы должны, так сказать, выявить всю их подноготную, докопаться до самой сути. Я уверен, что у вас должно получиться.

– Спасибо. Очень рад, что подхожу вам и что ещё смогу принести немало пользы родному государству. – Леонид Андреевич едва сдерживал переполнявшие его чувства, уже представляя скорые перемены к лучшему в своей жизни.

Всё правильно, думал он, это было всего лишь какое-то досадное недоразумение – вынужденное увольнение и полугодовое сидение дома перед телевизором.

Его уже буквально сводили с ума упрёки жены и дочери. Получалось, что он же ещё и виноват остался, хотя старался, в первую очередь, ради них и семейного благополучия.

«Молчали бы лучше, дуры...»

– Я тоже рад за вас. – Нагаев расплылся в слащавой улыбке. – И хочу дать вам несколько маленьких дружеских советов. Я думаю, вы понимаете, что любое учреждение это хорошо

отлаженный механизм, в котором каждый работник выполняет, так сказать, роль какой-то определённой шестерёнки, болтика, винтика или гаечки.

Леонид Андреевич кивнул, всем своим видом показывая, что внимательно слушает начальника департамента и очень ценит каждое его слово.

– Так вот, все эти шестерёнки, болтики, винтики и гаечки, при исправной работе механизма, должны заменяться только в самом крайнем случае, так сказать, лишь при полном эксплуатационном износе... Дело в том, что практически все кадры в управлении уже набраны. Все они – люди надёжные и, как вы понимаете, далеко не случайные. Если же кому-то из них и не хватает опыта или мастерства, то, я думаю, всё это со временем к ним придёт. Так что, не устраивайте кадровых перестановок и, вообще, не принимайте впопыхах каких-то кардинальных решений, то есть, попросту говоря, не порите горячку и во всём советуйтесь со мной... А впрочем, что я вам объясняю? Вы ведь столько лет проработали директором и сами всё это прекрасно понимаете. Постарайтесь найти со всеми подчинёнными общий язык, и тогда, я уверен, ваше управление станет красой и гордостью нашего департамента.

– Я тоже в этом уверен, – поспешил заверить своего начальника Леонид Андреевич. – Именно такими принципами я всегда и руководствовался.

– Вот и славно. – Никодим Наумович опять нахмурился. – Вы только не думайте, что всё так просто. Дело в том, что вы у нас уже четвёртый.

– Как, четвёртый? – Леонид Андреевич опешил. – Вы же сказали, что управление новое.

– Ну да, новое. Но за это время на вашем месте побывало уже три человека.

– И... что с ними всеми стало? – почти шёпотом спросил Леонид Андреевич. – Не справились?

– Хм... – Нагаев криво усмехнулся одним краем рта. – Первый сразу спился и был освобождён от должности, второго посадили за взятку, а третий вообще с ума сошёл. Вот так-то.

– Вы шутите? – Авоськин облизнул пересохшие губы.

– Да какие уж тут шутки. Не простая это должность, ох не простая. Далеко не каждый способен выдержать на своих плечах её груз и одолеть возникающие искушения. – Никодим Наумович пристально взглянул нашему герою в глаза. – Вы что, испугались?

– Н-нет, – с трудом произнёс Леонид Андреевич. – Нисколько.

– Вот и чудесно. Я в вас не сомневался. Сразу видно, что вы мужественный человек... Значит так... Вся структура Управления выверена научным путём и является практически идеальной. Управление состоит из тринадцати отделов, включая бухгалтерию. Разумеется, каждый отдел крайне необходим для полноценной деятельности всего Управления, и каждый отдел выполняет весьма важные функции. Не пытайтесь сразу понять, что к чему. Со временем разберётесь... Возможно, поначалу вам покажется, что кто-то занимается чем-то бессмысленным или не нужным. Ничего страшного. Уверяю вас, всё продумано и, само собой, имеет конкретный смысл. Хм... Так вот... Тринадцатый отдел Управления так и называется – Тринадцатый. Отдел этот является экспериментальным. На него возложены особые функции, о которых вам знать пока ещё рано. Начальник Тринадцатого отдела подчиняется непосредственно мне и выполняет только мои личные указания...

– Но... как же я буду им руководить? – растерянно спросил Авоськин.

– Чисто номинально, – ответил начальник департамента. – Нет, конечно, он будет приносить вам на утверждение какие-то отчёты, ведомости, накладные и прочие бумаги, но при этом вам не нужно принимать каких-либо решений и что-то от него требовать. Это вполне профессиональный сотрудник, который находится на своём месте. Он сам знает, что и как делать. Просто не мешайте ему работать.

– Понял. По этому поводу не беспокойтесь, – заверил Нагаева Леонид Андреевич.

– Ну что ж, тогда успешной вам трудовой деятельности на новом месте. – Никодим Наумович встал и протянул Авоськину руку. – Сейчас вы пройдёте в отдел кадров, там ознако-

митесь со своими должностными обязанностями и можете приступить к работе. Да, и не забывайте про борьбу с коррупцией.

– С коррупцией? – Леонид Андреевич растерялся ещё больше. Ведь буквально пять минут назад начальник департамента утверждал, что в ГУУНО почти все работники это чьи-то родственники.

– Да. – Взгляд Нагаева был серьёзен. – Борьба с коррупцией является едва ли не главной государственной задачей, и мы с вами, как государственные служащие, должны находиться на переднем крае этой борьбы. Или вы не согласны?

– Нет-нет, что вы, конечно, согласен, – испуганно заверил его Авоськин. – Я буду вести с коррупцией беспощадную, бескомпромиссную борьбу.

– Вот и хорошо. – Никодим Наумович вновь улыбнулся, но от его улыбки повеяло чем-то зловещим. – Также не забывайте посещать какой-нибудь храм по христианским праздникам.

– Храм? – Леонид Андреевич опять растерялся. – Зачем?

– Ну как же, как же... – Нагаев осуждающе покачал головой. – Вы ведь теперь на ответственном посту. Так сказать, представитель городской власти. А значит, вы должны соответствовать требованиям времени. Руководство страны поддерживает Церковь, и это взаимно. Так что, сами понимаете... Или вы не верите в Бога?

Этот вопрос прозвучал как экзаменационный.

– Верю! – пылко воскликнул Леонид Андреевич и машинально перекрестился.

– И это правильно. – Нагаев удовлетворённо кивнул. – Ну что ж, тогда я вас больше не задерживаю. Думаю, мы с вами сработаемся...

Из областной администрации Леонид Андреевич вышел совершенно другим человеком. Ему теперь дышалось легко и свободно, ему хотелось жить, радоваться жизни и получать от неё массу удовольствий. Даже весь окружающий мир сейчас выглядел совсем иначе – он наполнился яркими красками, стал более привлекательным и сулящим много хорошего в будущем.

Жизнь Авоськина приобрела новый смысл и новые ожидания.

«Ну, вот и я стал жрецом государства, – радостно думал он, глядя на идущих мимо горожан. – Жалкие людишки, если бы вы все только знали, какое это счастье – быть начальником!..»

Ему хотелось крикнуть это вслух, но Леонид Андреевич проявил выдержку и лишь улыбнулся ласковому августовскому солнцу.

2. ГУУНО

Городское управление учёта нужд общества находилось в двухэтажном здании вполне современного, приятного глазу дизайна, с алюминиевым остеклением фасада. Сразу было видно, что в его строительство вложены немалые бюджетные деньги.

До начала рабочего дня оставалось ещё полчаса, когда наш Леонид Андреевич вступил в ГУУНО. В правой руке он держал старый, верный портфель из коричневой кожи, который, несмотря на свой почтенный возраст, выглядел вполне респектабельно.

Возле турникета, в небольшой загородке, сидел старик, облачённый в чёрную форму охранника, сосредоточенно читавший какой-то глянцевоый журнал.

– Как обстановка? – спросил Авоськин, строго глядя на старика и всем своим видом давая тому понять, что пришёл начальник.

Старик оказался сообразительным и сразу смекнул, кто перед ним. Он тут же резво подхватился с места и вытянулся по стойке «смирно». Похоже, это был отставной военный либо бывший сотрудник какого-то силового ведомства.

– За время вашего отсутствия происшествий не допущено, – бодро протараторил охранник.

– Это хорошо. – Леонид Андреевич удовлетворённо кивнул и хотел уже пройти через турникет, как вдруг вспомнил, что не знает, куда ему следовать внутри этого учреждения.

– Простите, голубчик... Вы не подскажете, где здесь находится мой кабинет?

– По лестнице вверх, направо по коридору, третья дверь слева, – без запинки, лихо отчеканил старик, словно заранее готовился к такому вопросу и выучил наизусть ответ.

Довольный рвением охранника, Авоськин степенно пошёл по своей новообретённой вотчине.

В коридорах Управления ещё царили пустота и тишина, но дверь с надписью «Приёмная» уже была приветливо распахнута, безмолвно приглашая войти в неё.

Леонид Андреевич так и поступил, надеясь обнаружить в приёмной хорошенькую секретаршу. Но его ожидало большое разочарование – за рабочим столом сидела женщина лет пятидесяти с таким надменным и бесстрастным выражением лица, будто она была, по меньшей мере, английской королевой.

За её спиной, на подоконнике и на столике, стояло несколько горшков с миленькими красными, розовыми и жёлтыми цветочками.

– Доброе утро, – поздоровался с ней Авоськин, через силу выдавив из себя улыбку.

– Скорее, унылое, – грустно сказала секретарша, перебирая у себя на столе какие-то бумаги.

После чего она оценивающе взглянула на него поверх очков и кивнула.

– Что ж, именно таким я вас себе и представляла.

– Каким? – не удержался от вопроса Леонид Андреевич, заинтересовавшись мнением догадливой женщины.

– Ну... таким... – Она сделала рукой неопределённый жест. – Солидным, уверенным в себе мужчиной, импозантным и немного брутальным.

– Да? – Авоськин пришёл в растерянность от столь лестной оценки своей персоны. Он даже расправил плечи и попытался втянуть живот, но это у него плохо получилось. – А как вы поняли, что я – это я?

– Это риторический вопрос, – сказала секретарша и неожиданно улыбнулась, тут же утратив всю свою напускную строгость и неприступность. – Женская интуиция.

Она подошла к нему и протянула какой-то ключ.

– Вот, возьмите. Это от вашего кабинета. Я только вчера там всё протёрла от пыли. Как чувствовала, что скоро явится новый начальник.

Последнюю фразу она произнесла томным голосом, от которого в душе Леонида Андреевича возникло лёгкое волнение.

– Спасибо, – смущённо сказал он, принимая из её руки ключ от заветной двери. – Простите, как вас?..

– Маргарита Генриховна, – с достоинством ответила секретарша. – Но для вас... просто Марго.

– Спасибо, Маргарита Генриховна... Хм... Марго. – Он кивком указал на столик позади неё, и на подоконник. – Любите цветы?

– Да, цветы – моя слабость, – ответила она, бросив через плечо красноречивый взгляд, – особенно бегонии.

– Бегонии? Что-то не знаю таких, – признался Леонид Андреевич.

– Да вы что? Ну как же так? – Маргарита Генриховна покачала головой. – Бегония вечноцветущая это одно из самых популярных комнатных растений во всём мире. В естественных условиях она растёт в субтропиках и тропиках Азии, Африки и Америки. С этими цветами связана целая история.

– Да? И какая же?

– Они получили своё название в честь французского интенданта колоний Мишеля Бегона. Он был выходцем из известного дворянского рода, жившего в Блуа. Мальчиком, Мишель получил домашнее воспитание, а потом обучался в колледже иезуитов. Позже он получил в Париже звание магистра юриспруденции и устроился заместителем судьи в родном городе, а потом стал и судьёй. Но после того, как его племянница вышла замуж за министра Кольбера, карьера Бегона пошла вверх. Сначала он получил должность казначея флота в Тулоне, а в тысяча шестьсот восемьдесят втором году его назначили интендантом французских колоний на Антильских островах... ну, тех, что в Карибском море, – добавила она, заметив растерянность на его лице. – Сперва Мартиника, а после – Санто-Доминго, нынешний Гаити, и другие... А Мишель Бегон питал исключительную любовь ко всяким экзотическим растениям, особенно – к неизвестным в то время. Находясь на Антильских островах, он попутно изучал местную флору и описывал её. Вернувшись через несколько лет во Францию, он тут же снарядил за свой счёт экспедицию во главе с монахом-ботаником Шарлем Плюмье, которому поручил составить каталог всех растений Антильских островов. Спустя несколько лет Плюмье, уже по поручению французского короля Людовика Четырнадцатого, вторично побывал на Антильских островах, чтобы доделать свой значимый научный труд. Во время этих экспедиций он открыл много новых растений, в числе которых и знаменитая магнолия. А вот эти прекрасные цветы Плюмье назвал бегонией в честь своего покровителя Бегона. Вот так-то.

– Да уж. – Леонид Андреевич мечтательно вздохнул, захотев вкусь экзотики Антильских островов. – И откуда только вы всё это знаете?

– О, я знаю много, – сказала женщина, взглянув на него с весёлым лукавством. – Потому что люблю читать. Ну, открывайте свой кабинет и почувствуйте себя как дома.

Авоськин сделал три шага к двери и дрожащей рукой вставил в замочную скважину ключ.

– Два раза по часовой стрелке, – подсказала секретарша.

Совершив указанное магическое действие, Леонид Андреевич нажал на дверную ручку и потянул на себя дверь вождельного кабинета. Его сердце учащённое забилось, когда он вошёл в свой новый чертог, с умилением разглядывая обстановку.

– Ну вот я и дома, – прошептали пересохшие губы счастливого начальника ГУУНО.

И в этот торжественно-интимный момент ему показалось, что в кабинете возникло какое-то едва ощутимое движение воздуха, словно от чьего-то дыхания. Кабинет как будто ожил, когда в него вошёл новый хозяин.

«Он признал меня!» – возникла в голове Авоськина безумно-радостная мысль. – Теперь это мой кабинет! Мой...»

Здесь всё было настолько уютным, родным и милым, что Леониду Андреевичу на какой-то миг даже почудилось, будто этот тот самый кабинет, с которым ему пришлось расстаться полгода назад. Хотя, конечно, некоторые отличия имелись. Леонид Андреевич уже любил его не меньше того, прежнего, и только сейчас понял, как сильно ему не хватало этого кабинета. Он даже пожалел всех людей, у которых нет своих кабинетов.

«Да как вообще можно существовать без кабинета? – с ужасом подумал он. – Нет, это же просто немыслимо! Зачем вообще тогда жить?..»

Он робко подошёл к рабочему столу и нежно погладил его крышку, затем уже более уверенно подступил к креслу и, ощущая сильное волнение, осторожно сел в него.

Леонид Андреевич знал толк в кабинетных креслах и питал к ним немалую слабость, полагая, что кресло является вторым лицом руководителя, а по сути, его неотъемлемой частью. За свою карьеру он познал немало разных кресел и предпочитал всем остальным итальянские – от фабрики Маскерони или Бенцони.

Это кресло он узнал сразу – оно было как раз от Маскерони и называлось «Эмбесей». Обитое натуральной кожей тёпло-коричневого оттенка, с резными подлокотниками и кожаными подушками на них, оно зачаровывало взгляд и кружило голову. Под креслом находился мощный механизм вращения с пятилучевыми, закрытыми деревом ножками на колёсиках. Также у кресла имелся механизм регулировки высоты и наклона спинки и сидения. В общем, это был настоящий кабинетный трон, достойный самого большого начальника.

Леонид Андреевич несколько раз покрутился, проверяя, нет ли каких-нибудь скрипов и прочих посторонних звуков. Но нет, кресло вращалось плавно, с приятным шуршанием. Ну а сиделось в нём необыкновенно комфортно и мягко.

– Может быть, кофе? – спросила секретарша, по-матерински ласково глядя на шефа.

– Да-да, Марго, конечно, – вконец разомлел наш герой. – Кофе сейчас будет кстати.

Он откинулся на спинку кресла и вдруг почувствовал прилив энергии и неутолимую жажду деятельности. Это ощущение было настолько сильным, что Авоськин поначалу даже растерялся, пытаясь понять, чем оно вызвано. Но потом его осенила невероятная догадка, от которой захватило дух.

«Да ведь это кресло придаёт мне силу! Ну конечно же оно, родимое! А может, и сам кабинет...»

Между тем, Управление оживало, наполняясь работниками, начинало свой новый трудовой день. В кабинетах включались компьютеры, электрочайники, кофе-машины и кулеры, без которых была невозможна нормальная деятельность любого современного учреждения. Естественно, сначала обитатели кабинетов обсуждали друг с другом свежие новости и сплетни, а также личные проблемы. Всё это Леонид Андреевич хорошо знал из личного опыта, а потому ничуть не осуждал. Ведь запретить посторонние разговоры не в силах ни один руководитель – они всегда были, есть и будут, несмотря ни на что. Но вот знать то, о чём говорят подчинённые, он обязан, чтобы более эффективно руководить коллективом. Потому что любой коллектив это сложный организм, в котором постоянно происходят какие-то размолвки и несогласия между отдельными системами и органами. И чтобы этот организм функционировал исправно и являлся целостным, им должен чётко и искусно управлять мозг, то есть – начальник. А грамотное управление, понятное дело, в том числе, включало в себя сбор и обработку информации. К тому же, Леонид Андреевич помнил о предупреждении Нагаева...

Секретарша внесла на подносе чашку кофе и поставила её перед Авоськиным.

– Какие будут распоряжения? – спросила она, глядя преданно и проникательно.

– Пригласите ко мне к половине девятого моих заместителей и всех начальников отделов, – подумав, сказал восседавший на «троне» начальник ГУУНО. – Я же должен представиться и изложить своё видение на работу Управления.

Таково было его самое первое распоряжение на новой должности...

А ровно в восемь-тридцать в кабинете собрались два заместителя, главный бухгалтер и начальники двенадцати отделов, каждый из которых был крайне необходим и выполнял важнейшие функции. Кто не поместился за столом, тот сидел на стуле у стенки. Все эти люди, пока ещё не знакомые ему, смотрели на своего нового начальника излучающее и немного настороженно, как будто видели в нём для себя какую-то неясную угрозу.

Оглядев собравшихся, Леонид Андреевич прокашлялся и молвил своё веское слово.

– Здравствуйте, товарищи, – сказал он, как и положено говорить в таких случаях. – Меня назначили начальником вашего Управления, и с сегодняшнего дня я приступил к работе, нравится это кому-то или нет... Зовут меня Леонид Андреевич, а фамилия моя очень даже простая – Авоськин... Я намерен сделать ГУУНО образцово-показательным учреждением, и для этого приложу все свои силы и не остановлюсь ни перед чем, вплоть до самых радикальных мер, если это потребуется. И не сомневайтесь...

Он немного перевёл дух, собираясь с мыслями, а затем продолжил свою пламенную речь, давая всем понять, что настроен решительно.

– Скажу сразу, спрашивать с каждого из вас буду строго, так что не обессудьте. Разгильдяйства и халтуры в работе не потерплю. Ещё буду нещадно бороться с разными нехорошими проявлениями: коррупцией, равнодушием, формализмом и волокитой. Запомните это сами и передайте вашим подчинённым... Я ценю в людях деловой подход и профессионализм и надеюсь, что обрету в вашем лице... – Тут Леонид Андреевич немного замаялся, потому что лиц в кабинете было много. – Своих верных помощников и единомышленников... И тогда мы станем единым, сплочённым коллективом и вместе добьёмся высоких показателей в работе... Мой главный принцип – от каждого по способностям и каждому – по заслугам...

Леонид Андреевич замолчал, потому что сказал уже всё, что хотел – коротко и ёмко, как он это всегда умел.

– Может, кто-нибудь хочет что-то добавить? – спросил он после затянувшейся паузы.

Все присутствующие дружно покачали головами.

– В рабочем порядке, – произнёс чей-то тихий, вкрадчивый голос. Судя по бедному, лишённому низких сочных и высоких звонких красок, тембру, он принадлежал человеку скрытному, способному на подлость и предательство, завистливому, привыкшему врать и изворачиваться, строить козни и запускать интриги.

Леонид Андреевич отлично разбирался в тембрах голосов и поэтому определил всё это безошибочно. Он понял, что произнёсшего фразу ему стоит опасаться и держать этого человека на расстоянии, не приближать к себе. Впрочем, по собственному опыту он знал, что чересчур доверять никому из подчинённых нельзя – даже самому преданному. Потому что в мире нет идеальных людей, и каждый, под влиянием тех или иных факторов, в один прекрасный день может запросто предать своего начальника. Так было во все времена, и, видимо, так будет до скончания веков...

Он не заметил, кто именно был хозяином голоса, но сам голос врезался в его память намертво, и он легко узнал бы его, на что и рассчитывал.

– Понятно, – подытожил начальник ГУУНО. – Тогда сделаем так... В течение дня каждый из вас зайдёт ко мне с кратким докладом о текущем состоянии дел. А заодно и познакомимся. У меня всё, товарищи. Пока все свободны, а заместителей попрошу остаться...

Через минуту в кабинете, кроме самого Авоськина, остались два его заместителя: Иван Иванович Брехайло и Сан Саныч Чернобаев. Первый был заместителем по общим вопросам, а второй – по стратегическому планированию.

– Что скажете, товарищи заместители? – поставил вопрос в лоб Леонид Андреевич. – Чем порадуете или огорчите?

– Разрешите, начну я? – попросил слова Чернобаев.

– Нет уж, позвольте, первым буду я, – подал реплику Брехайло.

– С какой это стати? – возмутился Чернобаев. – У меня стратегическое планирование. Оно важнее ваших общих вопросов.

– Ну, это ещё как посмотреть, – оппонировал ему Брехайло. – От некоторых общих вопросов порой зависит вся стратегия... и тактика. И вы это не хуже меня знаете.

– Не говорите ерунды, уважаемый, – более сурово изрёк Чернобаев. – Общие вопросы потому и общие, что они являются второстепенными. А вот стратегия и планирование это основа всему. И не спорьте.

– Да нет уж, любезный, позвольте с вами не согласиться, – не уступал ему Брехайло. – Общие вопросы, в сущности, это базис, на котором держится вся ваша стратегия. Да и сама стратегия сегодня одна, а завтра другая. Такое у нас в стране уже не раз было. А вот общие вопросы всегда одни и те же. Они проверены временем...

Обстановка в кабинете накалялась. Оба заместителя уже раскраснелись и повысили голос, упорно отстаивая каждый свою точку зрения. Никто из них явно не желал уступать другому в этом важном, принципиальном споре. Леонид Андреевич понял, что пришла пора ему вмешаться и погасить возникший конфликт.

– Очень хорошо, – сказал он. – Сразу видно профессионализм. Хм... В таком случае, поступим следующим образом. Каждый из вас представит мне письменный отчёт, и я сам с ним ознакомлюсь. Когда вы будете готовы представить отчёты?

– Вот мой. Прошу. – Чернобаев с важным видом протянул Авоськину несколько скреплённых скобой степлера листов бумаги.

– Возьмите, пожалуйста. – Брехайло тоже передал Леониду Андреевичу такие же скреплённые скобой степлера листы. При этом вид его, конечно, был не менее важным.

– Отлично! – заключил начальник ГУУНО, забрав оба отчёта. – Я обязательно прочту это самым внимательным образом. Всё, идите по рабочим местам. Понадобитесь, я вас вызову.

Чернобаев и Брехайло, сопя и что-то невнятно бухтя, выбрались из-за стола и почти одновременно протиснулись в дверь, вместе закрыв её.

Кабинет опустел и погрузился в тишину, и Авоськин, предвкушая удовольствие от чтения, открыл чей-то отчёт. Полистал его, пробежав наметанным взглядом по строчкам, заключающим в себе бесценные сведения о работе отдела, и выделив главное. Конечно, постороннему, несведущему человеку всё написанное здесь могло показаться полной ерундой, но Леонид Андреевич видел в этой «ерунде» очень глубокий смысл. Потому что он был профессиональным, опытным руководителем.

От работы его отвлёк осторожный стук в дверь, после чего в кабинет совершенно беззвучно вошёл начальник отдела кадров Пётр Фёдорович Зяблых. Это был худой, сутуловатый человек с бледным лицом, приближающийся к своему полувековому юбилею.

– Разрешите? – тихо спросил он, внимательно наблюдая за начальником ГУУНО.

– Да-да, пожалуйста. – Авоськин отложил в сторону отчёты и приготовился слушать.

Он сразу же безошибочно определил, что начальник отдела кадров и есть тот самый обладатель вкрадчивого голоса.

– Я вот решил... так сказать, в порядке ознакомления... – невнятно начал Зяблых. – Подумал, вам будет интересно, ху из ху...

– Вы не могли бы поконкретней? – Леонид Андреевич от нетерпения заёрзал в кресле. – И давайте без всяких этих ху. Я этого, знаете ли, не люблю.

– Понял, приму к сведению. – На лице начальника отдела кадров появилась виноватая мина. – В общем, хочу кратко охарактеризовать вам ваших заместителей и начальников отделов. Я тут веду что-то вроде досье на каждого...

– Досье? – обрадовался Леонид Андреевич. – Очень хорошо. Это вы правильно делаете. Конечно, такая информация мне пригодится.

Зяблых заискивающе улыбнулся и неслышно, словно не дотрагиваясь ногами пола, прошёл к столу. Сев напротив Авоськина, положил перед собой чёрную пластиковую папку-портфель, разделённую внутри прозрачными перегородками на десяток, если не больше, секций.

– Вот они, голубчики, все здесь, – дрожащим от волнения голосом произнёс Пётр Фёдорович, роясь в своей драгоценной папке. – Все до одного... А то, понимаешь, всё им шуточки да смешочечки... Нет, товарищи дорогие, так не пойдёт...

Он с важным видом достал лист бумаги.

– Итак, начнём... Главный аналитик Ломакин Борис Петрович. Человек, несомненно, не бездарный, но чрезвычайно ленивый и безынициативный. Его нужно постоянно... хм... так сказать, держать в тонусе, то есть подпирать. Интригами не занимается... опять же, из-за лени, но и в обиду себя не даст. У него есть какой-то дальний родственник в Москве, который занимает большой пост... то ли в министерстве экономического развития, то ли в министерстве финансов. Поэтому лучше вам привлечь его на свою сторону. Может пригодиться в некоторых вопросах...

Зяблых вернул лист на место, отведённое ему в папке, и извлёк из неё следующий. Это было досье на начальника отдела обработки статистики Лаврентия Павловича Дурасова.

– С этим товарищем будьте поосторожней. – Пётр Фёдорович наклонился вперёд, как будто собрался сообщить некую страшную тайну. – Он вовсе не такой... простите, дурак, каким кажется. Более того, у меня постоянно возникает такое впечатление, что его к нам заслали. Правда, пока непонятно, кто заслал и с какой целью, но он явно появился здесь неспроста. Явно...

– Вы так думаете? – Авоськин нахмурился, потому что он очень не любил всяких «засланных казачков» и прочих непонятных личностей. От таких всегда можно было ожидать чего угодно.

– Более чем уверен. – Зяблых изобразил на лице заговорщицкое выражение. – Так что советую вам держаться от него подальше и делать вид, что вы ни о чём не догадываетесь.

– Я понял вас. – Леонид Андреевич почувствовал, что его начинает переполнять симпатия к своему начальнику кадров. – Спасибо за предупреждение.

– Это моя работа, – с пафосом сказал Пётр Фёдорович, убирая в папку документ и доставая из неё ещё один.

– Так-с... Главбух. – Он сделал ударение на последнем слове. – Бергман Артур Эрнестович. Хм... Вся финансовая отчётность у него, как ни странно, в полном порядке.

– Действительно, странно! – удивлённо воскликнул Леонид Андреевич. – Неужели не ворует?

– Создаётся такое впечатление, что нет, – развёл руками Зяблых. – Либо ворует как-то очень изощрённо... Исполнительный, уравновешенный, немногословный. Без вредных привычек. По утрам бегаёт, регулярно посещает бассейн и спортзал. На корпоративах никогда не выпивает. В общем, крайне неприятная личность. – Пётр Фёдорович поморщился. – Никогда не понятно, что у него на уме.

– Да уж, тот ещё субъект, – согласился Леонид Андреевич. – Ладно, поглядим, что это за главбух такой... Кто там у вас следующий?

– Начальник отдела контроля и учёта. Чертолас Геннадий Ильич... Ну, этот, как говорится, с полным набором.

– То есть? – не понял Авоськин.

– То и есть. – Зяблых хихикнул и даже немного порозовел. – Любит деньги и женщин. Пожалуй, деньги больше. В алкоголе меры не знает, а когда напивается, то начинает вести себя буйно и материть всех подряд.

– Так уж и всех? – Леонид Андреевич нахмурил брови.

– Всех без исключения.

– Значит, и меня будет материть?

– Будет. Даже не сомневайтесь, – бодро уверил его Пётр Фёдорович.

– Почему же его не увольняют?

– А чёрт его знает, – пожал плечами Зяблых. – Наверное, смысла нет.

– Да?

– Ну да. На его должность желающих-то особо нет.

– Почему? – опять удивился Авоськин.

– Да потому. Должность эта слишком нервная. Постоянно приходят недовольные чем-то граждане, которых нужно выслушивать. Всякие полусумасшедшие старушки и старики... Не каждый выдержит, сами понимаете...

– Ну да, ну да, – опять согласился начальник ГУУНО. – Ладно, пусть работает этот ваш Чертоляс. Чёрт с ним. Так... Ну, с этими всё ясно. А что вы можете сказать о начальнике Тринадцатого отдела?

Зяблых сразу переменился в лице и побледнел ещё сильнее.

– О начальнике Тринадцатого отдела... ничего не могу сказать.

– Как это, ничего?

– Да так. Ничего. Он держится сам по себе, и никто о нём ничего толком не знает. А если кто и знает, то всё равно ничего не скажет.

– Почему?

– Потому. Боятся все.

– Боятся? – Леонид Андреевич насторожился. – Кого?

– Да никого, а вообще. Просто боятся. Отдел-то, говорят, секретный. Мало ли...

– Понятно. – Авоськин задумался над словами начальника отдела кадров и сам ощутил лёгкий страх.

– Ну, у меня, в общем-то, всё. – Зяблых закрыл свою сокровенную папку и встал. – Пойду работать.

– Да-да, конечно. – Леонид Андреевич тоже встал и пожал начальнику отдела кадров руку, которая оказалась неприятно влажной и липковатой. – Успехов в работе.

— — —

Кабинет вновь опустел, и начальник ГУУНО облегчённо вздохнул.

– Ну что ж, приличное учреждение, – сказал он вслух сам себе. – Вполне нормальный коллектив. Такой же как везде...

– Такой же, – глухо произнёс кто-то в пустоте кабинета.

Леонид Андреевич вздрогнул от неожиданности.

– Кто здесь? – спросил он, с опаской озираясь по сторонам.

Никто ему не ответил, и Авоськин принялся осматривать свой «чертог», заглядывая во все его углы и потаённые места и выискивая того, кто спрятался в нём и решил таким безобразным образом пошутить над своим начальником. После тщательных поисков, занявших целых пять минут, озадаченный Леонид Андреевич вернулся в кресло.

– Наверно, показалось, – сделал он заключение. – Видно, переутомился. Говорят же, что нельзя в первый день много работать.

– Нельзя, – подтвердил всё тот же глухой голос.

Леониду Андреевичу сделалось жутко, потому что в его кабинете происходило что-то не совсем нормальное. Но через минуту он опять вскочил и принялся заново обыскивать ящики столов и шкафы – всё, где можно было спрятать аппаратуру, которая, вероятно, и транслировала эту речь.

Так и не обнаружив ничего подозрительного, Авоськин пришёл в растерянность.

– Неужели галлюцинации? – наконец предположил он самое худшее. – Но отчего? Вроде, настолько сильно не пью, чтобы белая горячка была.

Он напрягся, ожидая услышать ещё что-нибудь, но вокруг было тихо.

Минут через десять, не найдя произошедшему никаких разумных объяснений, наш Леонид Андреевич достал из бара бутылку коньяку и принял на грудь одну рюмочку – для снятия стресса.

– С первым рабочим днём вас, товарищ начальник, – поздравил он сам себя. – Ни пуха, ни пера.

– К чёрту! – добавил неизвестно чей настырный голос...

3. Краткая биография

Естественно, у Леонида Андреевича было обычное детство ребёнка, рождённого в СССР. Как и положено, сначала он пошёл в детский сад, а потом и в школу. Уже тогда пионер Лёня Авоськин не желал быть рядовым «юным ленинцем», а страстно мечтал стать кем-то больше...

Нужно сказать, что этот период жизни был для него не очень радостным, поскольку в детском коллективе он оказался своего рода изгоем и потенциальной жертвой. Так как отец Лёнечки, являясь партийным организатором одного из предприятий города, почти всегда был сильно занят и зачастую приходил домой поздно, причём, нередко – не совсем трезвым, то воспитанием мальчика в основном занимались мама и бабушка. Этот факт, по вполне понятным причинам, отрицательно влиял на становление личности ребёнка и на его физическое развитие. Так, из большой любви, женщины, конечно же, баловали Лёнечку, закармливая его всякими мучными изделиями и сладостями, что, как известно, весьма вредно для детского организма. В результате Лёня рос излишне упитанным и изнеженным мальчиком, физически не развитым, драться толком не умел и потому постоянно терпел всевозможные унижения от ровесников и мальчишек постарше. Его били, над ним издевались, как только могли, а за полноту ещё и обзывали обидными прозвищами: «пухляш», «биточек», «жиртрест». Девчонки же, конечно, во дворе и школе дарили Лёне презрительные ухмылки, не воспринимая его в роли друга и потенциального жениха.

И наш герой люто ненавидел своих обидчиков и нехороших, надменных девчонок и лелеял великую мечту всем им отомстить и заставить их уважать его. Но как же он мог это сделать, каким способом? Ведь он был слабаком и трусом, не способным на сильный поступок.

И вот однажды несчастный Лёня услышал из уст отца одну сокровенную фразу, которая перевернула всю его жизнь, вселив надежду в юную обиженную душу.

– В этой жизни надо быть при власти, и всё остальное само приложится, – сказал ему отец, желая научить сына уму-разуму. – Запомни, Лёнька, если ты при власти, тебя все боятся и уважают. Вот я парторг завода, уважаемый человек. Потому что все эти говнюки понимают, что я обличён некоторой властью, и со мной шутки плохи. Вот такая простая получается диалектика...

Тщательно обдумав эту истину, Лёня Авоськин поставил перед собой цель – стать «при власти». И он сразу же начал неудержимо стремиться к своей цели, проявляя недюжинное упорство, выказывая изощрённое хитроумие и даже подлость. Он отлично научился доносить учителям на школьных товарищей, мешающих ему двигаться вверх, и таким образом прокладывал себе дорогу.

Сначала ему удалось пролезть в совет пионерского отряда, то есть своего класса, а затем и в совет пионеров всей школьной дружины. Позже, вступив в комсомол, Лёня тут же умудрился стать комсоргом класса и уже грезил пробиться в городской комитет комсомола.

Конечно, по мере взросления и личностного роста, он заметил, что отношение к нему окружающих постепенно меняется. Его перестали бить и шпынять, потому что все знали – он может пожаловаться и отомстить по комсомольской линии. К тому же, Лёня завёл нужные, серьёзные знакомства, и об этом тоже все знали, а потому Авоськина самого уже побаивались и даже начали уважать. Девочки же теперь дарили ему очаровательные улыбки, тем самым давая понять, что он им вполне нравится.

Поступив в институт, юный Леонид и здесь успешно применил свой школьный опыт, благодаря чему оказался на хорошем счету у преподавателей и уважаемым в студенческой среде. И хотя учился наш герой посредственно, ему делали на экзаменах поблажки в виде «четвёрки» там, где законно должна была стоять «тройка», и «пятёрки» на месте твёрдой «четвёрки».

Таким образом Леонид Авоськин сумел окончить институт с дипломом, в котором по всем предметам стояли только «отлично» и «хорошо».

А дальше, естественно, началась уже взрослая, самостоятельная жизнь. Наш герой, поверив в свои силы и якобы имеющийся у него врождённый талант руководителя, но, конечно, не без помощи влиятельных знакомых, пошёл работать мелким чиновником в одно из государственных учреждений города.

Тем временем, страну захлестнули политические и экономические реформы, которые вызвали в умах простых граждан настоящее помешательство. Социалистический строй вдруг был признан неправильным и вредным, а равенство людей – несправедливым. А КПСС вообще была признана чуть ли не преступной организацией.

Как ни странно, многие знакомые Леонида Андреевича, занимавшие руководящие должности, восприняли эти перемены с радостью и воодушевлением.

– Ну, теперь заживём! – потирая руки и сияя лицом, сказал тогда один из них. – Не хуже всяких там Рокфеллеров и Ротшильдов.

– Хватит уже спину гнуть на закрома Родины, – добавил другой. – Хорош!.. Пора самим хозяевами становиться. Будем своими капиталами ворочать.

– А как же народ? – неуверенно спросил у них молодой Авоськин.

– Дался тебе этот народ! – гневно прикрикнули на него старшие товарищи. – Не пропадёт народ. Он как был, так и останется. Пусть себе копошится потихоньку и дальше. Не могут все одинаково хорошо жить, чушь всё это. Одним на роду написано в золотые унитазы мочиться, а другим – дерьмо убирать, и по-другому никак. Чернорабочие при любой власти нужны, а уж при капитализме-то тем более.

Конечно, Авоськин мечтал оказаться в числе первых, и он стал к этому стремиться неистово и самозабвенно. Но поскольку рисковать Леонид Андреевич не желал в силу своей природной трусливости, то он избрал другой путь к успеху – твёрдо шагать вверх по карьерной лестнице и, как говорят в определённых структурах, «пользоваться своим служебным положением».

И вот, шагок за шагом, ступенька за ступенькой, наш Леонид Андреевич стал взбираться по этой самой лестнице всё выше и выше. И чем выше он по ней взбирался, тем больше входил в раж и тем больше получал удовольствия, и даже наслаждения от данного процесса.

Таким образом, используя отработанную годами тактику, сначала он занял место начальника отдела, затем – кресло заместителя начальника учреждения, а потом добился и должности самого...

Наконец-то его заветная мечта сбылась. Теперь Леонид Андреевич мог позволить себе всё то, о чём грезил всю свою молодость, а именно: отдых в лучших санаториях и на зарубежных курортах, сексуальную секретаршу-любовницу, дорогую машину-иномарку и просторную трёхкомнатную квартиру в престижном районе города. В общем, он сполна познал настоящее счастье руководителя, но, понятное дело, попав под новомодную тенденцию, мечтал ещё и о собственном доме в два этажа,

Личная жизнь Леонида Андреевича также складывалась вполне удачно. Он женился на дочери бывшего работника горкома, ставшего в лихие девяностые предпринимателем. Звали её Галина, и она обладала очень даже эффектной внешностью. Но, как известно, красивая женщина требует больших затрат, и поэтому расходы Авоськина после свадьбы резко возросли.

– Дорогой, я хочу новую шубку! – бывало, скажет ему Галина, и деваться некуда – надо покупать.

– Мосечка (это жена так с любовью называла Леонида Андреевича за его круглое личико), а не отдохнуть ли нам этим летом в Таиланде? – к примеру, предложит она, и, конечно, остаётся только покупать туристическую путёвку.

– Ах, какое красивое кольцо! – иной раз восхищённо воскликнет в ювелирном магазине супруга, и это означает, что нужно делать покупку, иначе будет скандал.

– Ты же не будешь экономить на любимой жене? – надув губки, обычно спрашивала Галина в такие моменты, если вдруг замечала во взгляде мужа сомнения.

– Конечно, нет, дорогая, – через силу выдавливал из себя в ответ Леонид Андреевич и, вздыхая, доставал портмоне...

А через какое-то время подросла дочка Инночка, и расходы Авоськина тоже выросли. Оплата учёбы в университете – это само собой. Но, помимо того, как и всякая девушка успешных родителей, дочь тоже требовала дорогих и красивых вещей, чтобы «держат марку» и «выглядеть не хуже других». Так что нашему Леониду Андреевичу приходилось опять раскошеливаться.

И вот, однажды он пришёл к закономерному выводу, что с одним только честным заработком красиво жить не получится. Так наш Леонид Андреевич потихоньку-полегоньку пристранился к взяточничеству и «откатам» и со временем даже стал считать это вполне нормальным принципом работы...

Пока он занимал начальственное кресло, всё шло хорошо, но настал таки чёрный день, когда Авоськина попросили освободить должность «по собственному желанию», если он не хочет оказаться на скамье подсудимых.

И несчастный Леонид Андреевич, роняя скупые мужские слёзы, покинул свой родной кабинет, в котором провёл много лет, и душу его наполнили великое горе и отчаяние.

Пожалуй, это был самый тяжёлый период в жизни Леонида Андреевича. Он сразу стал не нужен своим знакомым, поскольку потерял для них значимость и полезность. Дочь постоянно обзывала его неудачником и лохом, а жена вообще пригрозила, что уйдёт от него, так как ей нужен «настоящий мужик, а не какой-то там нищерброд».

Но теперь, благодаря чудесному вмешательству свыше, всё это было позади...

Пожалуй, к вышеизложенному можно ещё добавить, что Леонида Андреевича давно интересовало происхождение его неказистой фамилии. Он всегда чувствовал, что она не так проста и неблагозвучна, как кажется на первый взгляд, и что за ней скрывается нечто очень важное и сокровенное для её обладателя. И вот однажды наш герой отыскал в глубинах Интернета столь желанную информацию. Оказалось, что некоторые учёные его фамилию относили к старейшим русским родам, которые, возможно, имели корни среди первых христиан, пришедших на Русь из Византии. А по одной из версий фамилия Авоськин даже якобы была образована от древнегреческого имени Севастиан, которое означало «посвящённый» или «высокочтимый». Только, видимо, первая буква потерялась за прошедшие века.

– Ну конечно же, так оно и есть! – радостно воскликнул в тот момент наш пытливый искатель истины. – Не зря у меня было какое-то предчувствие. Не зря... Возможно даже, что я являюсь потомком самого святого ***Севастиана Медиоланского**. – Он залился счастливым смехом, уже уверовав в истинность такого предположения. – А если это так, то я с рождения был обречён стать начальником. Да-да-да! С рождения!..

4. Беспокойные будни начальника

Так начались беспокойные будни нового начальника ГУУНО. Должен заметить, мой любезный Читатель, что только человеку несведущему, так сказать, не входящему в число «доверенных лиц», кажется, будто всем начальникам живётся вольготно и бесхлопотно, и что они якобы сиднем сидят в своих креслах да целыми днями только поплёвывают в потолок. Нет, дорогой ты мой Читатель, должен тебя разочаровать – у начальников тоже хватает всяких забот и треволнений. То им надо подчинённых наказывать за какие-нибудь упущения в работе, а то и поощрить за достижения, что для них гораздо хуже, потому как с поощрениями нужно быть осторожней, дабы кто-то из подчинённых не возомнил о себе слишком много. Хороший работник и так будет своё дело делать добросовестно, не думая о награде, а если его ещё и наказывать за какую-нибудь огреху, то он только лучше станет...

Всю эту мудрость Леонид Андреевич усвоил железно, как «дважды два – четыре», за годы руководящей работы. Поэтому он старался поощрять в основном тех, кто мог ему пригодиться для своих личных выгод, либо тех, кто имел влиятельных родственников или знакомых, которым мог пожаловаться на «плохого» начальника...

Больше всего беспокойства ему, естественно, доставляли граждане, обращавшиеся в ГУУНО со своими нелепыми нуждами или бестолковыми просьбами, только отвлекая Авоськина от главных дел.

– Никакого спасу от них нет! – посетовала как-то секретарша. – Всё идут и идут, баламуты. Всё им неймётся, всё хотят чего-то, всё нуждаются...

– Да, народ – он такой, – с чувством горечи сказал ей на это Леонид Андреевич. – Вечно чем-то недоволен и, чуть что, ругает власть.

– Хотят ничего не делать и жить припеваючи, – недовольно пробурчала Маргарита Генриховна.

– Это точно. А ведь хорошую жизнь заслужить надо. Не каждому она дана. – Он даже растерялся от собственных мудрых мыслей. – А если все начнут жить хорошо, то тогда ведь каждый начнёт считать себя кем-то значимым... И кто ж тогда будет начальство уважать? А?

Он вопросительно взглянул на секретаршу, и та пожала плечами.

– То-то и оно, что никто не будет. – Леонид Андреевич вздохнул. – А это уже никуда не годится. Это... непорядок...

Он погрустнел, представив себе такую страшную картину...

Конечно, первым делом Леонид Андреевич решил ознакомиться со списком нужд общества. А нужд этих оказалось видимо-невидимо – список получился внушительный. Люди нуждались в хороших зарплатах и просторных квартирах, в дешёвых продуктах питания и низких ценах на услуги ЖКХ, в нормальной работе городского транспорта и медицинских учреждений, в уважении к себе продавцов и полицейских и во многом другом.

– Да уж, – только и смог сказать озадаченный Леонид Андреевич и покачал головой. – Губа не дура. И ведь если все эти нужды удовлетворить, у них сразу новые появятся. Тут и к бабке не ходи... Хорошо, что мы только учёт ведём, а то бы совсем худо дело было...

Каждый день к начальнику ГУУНО приходили граждане, просившие «о личной встрече по очень важному вопросу», и он, собирая волю в кулак, мужественно принимал их, внимательно выслушивая и стараясь найти подход к каждому, хотя порой это было весьма нелегко.

Так, в первый же день, заявила одна странная, слегка ненормальная старушонка, на вид, лет восьмидесяти.

– Здравствуй, мил человек, – сказала она и низко поклонилась ему. – Пришла вот с бедой своей, с нуждой великой. Ты ведь здесь начальником служишь?

– Я, бабуля, – подтвердил Леонид Андреевич. – Говорите, какая у вас нужда имеется, и мы её сразу занесём в соответствующий раздел нашего реестра. Это наша работа.

– Вот спасибо, касатик, – обрадовалась старушка. – Дай бог тебе никогда ни в чём нужды не иметь за то, что добро людям делаешь. Работа-то у тебя, видно, нелёгкая.

– Что правда то правда, мать. Нелёгкая. – Леонид Андреевич вздохнул. – Но для того я здесь и поставлен, чтобы делать её добросовестно и результативно, невзирая ни на какие сложности.

– Вот молодец... А нужда у меня такая... Дед мой помер уж год как... Царство ему небесное... Хороший был мужик, работающий и пил в меру... Воевал в Отечественную... Две медали «За отвагу» получил, Васечка мой... Днепр форсировал и Берлин брал...

– Это замечательно, – перебил её начальник ГУУНО, немного утомлённый речью посетительницы. – Вы не могли бы поближе к делу?

– Ах, да-да, извини, касатик. Понимаю, у тебя ведь много важных задач, а времени не хватает на всё.

– Не хватает, мать, – согласился с ней Леонид Андреевич. – Ох как не хватает... Но, несмотря на это, ни одна нужда у нас не остаётся без учёта, даже самая малая. Вот так-то.

– Дай бог тебе здоровья, соколик! – Старушка опять поклонилась. – Чтобы мы без вас делали, родные мои?... Совсем бы измаялись со своими нуждами...

Авоськин засмутился от такой народной похвалы, растрогался, но тут же взял себя в руки, так как не подобало ему, как начальнику солидного учреждения, сантименты всякие разводить, а то так можно было докатиться чёрт знает до чего.

– Продолжайте, – как можно строже сказал он. – Какая конкретно у вас нужда?

– Большая нужда, ох большая... Одна ведь я живу, и помочь-то мне некому, а пенсия, сам знаешь, какая...

– Знаю, мать, знаю. – Авоськин насупил брови, сделав вид, что разделяет чаянья старушки. – Кстати, правительство пообещало добавить в следующем году сто тридцать два рубля. Так что, полегче вам скоро станет... Потерпите ещё немного...

– Спасибо нашему правительству за заботу о нас, стариках, – дрогнувшим голосом сказала старушка и, достав платочек, стала вытирать глаза.

– Вы про нужду говорили, – напомнил ей Леонид Андреевич. – В чём вы конкретно нуждаетесь, бабушка?

– Ох, нуждаюсь, милоч. – Старушка сокрушённо покачала головой. – Бывает, утром проснусь, а встать-то сразу и не могу. Ноги как ватные... Да и ходить мне тяжело уже. Всё ж, возраст немалый. Здоровье уже не то... А все мои дети да внуки разъехались по стране кто куда и бывают у меня редко. Всё им некогда, всё деньги зарабатывают... Сам знаешь, какая нынче жизнь непростая... – Она пригорюнилась и рассеянно уставилась в пол, видно, о чём-то крепко задумавшись.

Леонид Андреевич с минуту терпеливо ждал, когда она опять заговорит, затем таки не выдержал и деликатно покашлял.

Старушка очнулась и всплеснула руками.

– Ой, батюшки святы, задумалась. Ты уж не обижайся на старуху.

– Ни в коем случае. – Начальник ГУУНО выдавил из себя улыбку. – Для того меня сюда и поставили, чтобы я выслушивал народ терпеливо. Значит, вы нуждаетесь?..

– Нуждаюсь, сынок, – подтвердила она.

– Так в чём же именно? – уже нетерпеливо спросил Авоськин.

– Вот если бы кто ухаживал за мной, что б полегче было...

– А, так вам нужна домработница? – Леонид Андреевич облегчённо вздохнул. – Ну, тогда вам не к нам надо было идти, а в Центр социальной помощи. Есть такой. Там у них директором

работает замечательная женщина. Я её лично попрошу, чтобы она выделила вам свою самую лучшую работницу.

– Домработницу? – Старушка почему-то выглядела разочарованной.

– Ну да, социальную работницу. Она вам и полы помоеет, и поесть приготовит, и в магазин сходит, и вообще...

– А нельзя мне старичка какого выделить? – спросила старушка.

– Старичка? – Авоськин растерялся. – В смысле? Какого старичка?

– Ну... – Старушка с улыбкой пожала плечами. – Одинокого, конечно. Нам бы с ним вдвоём веселей было.

– А, в этом смысле... Так мы ведь знакомствами не занимаемся, – строго произнёс начальник ГУУНО. – Тут уж извините. Не наш профиль.

– Не ваш? – Старушка понурилась. – А я-то, грешным делом, решила, что к вам по любой нужде можно приходить...

– Поймите, бабушка. У нас здесь государственное учреждение. Мы ведём только учёт. Регистрируем, анализируем, систематизируем...

– Прости, сынок, что время отняла. – Старушка затряслась. – Думала, поможете с нуждой моей...

Жалко стало Леониду Андреевичу эту одинокую, несчастную бабушку, заныло у него сердце от сострадания к ней и оттого, что помочь ей он не в состоянии – в силу ограниченности его полномочий и специфики учреждения.

– Ну, хорошо. В конце концов, начальник я или нет? – решительно сказал он, стукнув кулаком по столу, и нажал кнопку селектора.

– Я вас слушаю, – тот час отозвалась секретарша.

– Маргарита Генриховна, вызовите ко мне, пожалуйста, начальника отдела контроля и учёта...

Не прошло и двух минут, как в кабинете появился вышеуказанный начальник.

– Вызывали? – спросил он, подозрительно покосившись на посетительницу.

– Да, товарищ Чертолас, вызывал. – Авоськин кивнул на старушку. – Пожалуйста, в порядке исключения, зарегистрируйте нужду этой гражданки и примите меры.

– Будет исполнено! – с готовностью ответил Чертолас. – Пройдёмте, бабушка, в мой отдел, и там мы всё сделаем как положено.

– Вот спасибо, сыночки. – По щекам старушки потекли слёзы. – Вовек не забуду доброту вашу. Храни вас Господь...

Вновь низко поклонившись, она вышла из кабинета вслед за начальником отдела контроля и учёта. Авоськин же, естественно, остался один внутри.

– Вот так и надо работать с посетителями, – сказал он вслух сам себе, довольный тем, как споро у него получилось со старушечьей нуждой. – Для этого меня сюда и назначили. И не зря...

Но не только сторонние просители и нуждающиеся приходили к Леониду Андреевичу со своими чаяниями. Немало времени ему приходилось уделять и работникам учреждения, которые всячески старались помочь своему начальнику в его нелёгкой руководящей работе, принося проекты всевозможных «улучшений» и докладные записки на кого-то из своих коллег или просто приходя к нему на доверительные беседы.

Одним из таких «активных помощников» оказался некто Фёдор Васильевич Бедовый, работавший в административно-хозяйственном отделе. Этот маленький, толстый человек с кривыми ножками, похожий на Весельчака У из мультфильма «Тайна третьей планеты», практически каждый день бывал у начальника ГУУНО. Прежде чем войти в кабинет, он всегда долго стучал в дверь, словно боялся застать Авоськина за каким-нибудь скверным занятием, затем осторожно заглядывал с виноватым выражением лица и только после этого заходил.

– Я тут... по вопросу... – как правило, говорил Бедовый, хотя все его «вопросы», на деле оборачивались банальным пустословием и подхалимством, а ещё – ябедничеством и наущничеством.

– Я, конечно, опытный хозяйственник и стараюсь качественно выполнять свою работу, – например, так однажды начал разговор Бедовый. – Но поймите, что мне одному со всем справиться тяжело.

– Почему, одному? – удивился Леонид Андреевич. – Вас же в отделе четверо, вместе с начальником.

– Да что толку, что четверо? Работаю-то, по сути, один я, а остальные так... шалаяй-валяй... штаны в кабинете просиживают. А одному всё тянуть, сами понимаете, непросто.

– Да-да, конечно, тяжело это, – согласился Леонид Андреевич, не понимая, почему Бедовому приходится всё делать одному. – Как же так? – Он возмущённо покачал головой. – Что ж они там все?.. Неужели думают отсидеться за вашей спиной?

– Наверно, надеются так до пенсии дотянуть. – Бедовый горестно вздохнул. – Вот так мы и работаем. Кто-то вкалывает на износ, а кто-то на чужом горбу в рай едет. И где же справедливость?

– Да-да, конечно, – повторил наш начальник ГУУНО, искренне сочувствуя этому неистовому труженику. – Я вас прекрасно понимаю. Надо подумать, как в корне изменить ситуацию.

– Ну, вообще-то, я мог бы предложить вам свой вариант. – Бедовый скромно потупил взгляд. – Если разрешите.

– Вариант? Конечно, предлагайте. – Авоськин ободряюще улыбнулся ему. – Я всегда одобряю инициативу подчинённых.

– Я тут подумал... Можно сократить в нашем отделе одну должность, а я бы мог, за полторы ставки, взять на себя дополнительную нагрузку.

– Сократить? – Леонид Андреевич призадумался, прикидывая в уме «за» и «против». – Ну что ж, в принципе, идея неплохая. Но... надо только определить, кого там конкретно сокращать, чтобы, так сказать, не попасть впросак.

– Да что тут определять? – Бедовый пришёл в волнение. – Степанова и сократите.

– А что Степанов?

– Как что? Да он же явно лишний человек в нашем учреждении. Вообще непонятно, как он сюда попал. Насколько я знаю, родственников или друзей среди начальства он не имеет.

– Действительно, непонятно, – согласился Леонид Андреевич. – Но всё же это надо проверить, а то мало ли...

Каждый раз, так или иначе, Бедовый подводил разговор к предложению назначить ему полтора должностных оклада, и начальник ГУУНО всё больше и больше склонялся к тому, чтобы так и сделать, но всё же, помня наказ Нагаева «не пытаться что-то изменить», он не хотел «пороть горячку» и потому решил пока с этим вопросом повременить. А как-то раз, в очередной приход Бедового, он, устав слушать его жалобы на то, что «одному тяжело работать», рассердился и стукнул кулаком по столу, демонстрируя свои волевые качества жёсткого руководителя.

– Хватит, Фёдор Васильевич! Хватит обивать кабинеты начальства... то есть, пороги кабинетов... Не отвлекайте начальство от работы по всяким пустякам. Если у вас есть сообщить что-то конкретное, то напишите мне докладную. Да, докладную! Тогда я буду вынужден отреагировать на неё. Я соберу своих замов и начальников всех отделов, и мы рассмотрим вопрос... хм... так сказать, предметно. Да, только так и никак иначе. Понятно вам? Пишите докладную, если вас так сильно беспокоит ситуация в вашем отделе. Если же вам слишком тяжело работать в нашем учреждении, то можете хоть сейчас написать мне заявление об увольнении. Я здесь никого силой не держу! Понятно вам?..

Бедовый выпучил глаза и ошарашено смотрел на Леонида Андреевича примерно с минуту, не в состоянии что-либо сказать, а потом поник и, молча кивнув, ретировался из кабинета.

Начальник ГУУНО облегчённо вздохнул и мысленно порадовался своей маленькой победе.

– Да, только так и никак иначе, – повторил он, смакуя каждое слово.

– Молодец! – тут же проявил себя всё тот же неведомый Голос, который время от времени раздавался в стенах кабинета, когда Леонид Андреевич был там один. – Будь с ними пожётче, а то они совсем на шею сядут...

В первые дни Авоськин немного робел, когда Голос начинал говорить, но постепенно привык к нему и стал считать его таким же атрибутом своего кабинета, как рабочий стол и кресло. В сущности, Голос ничего плохого не говорил и даже, наоборот, высказывал вполне дельные вещи, к которым стоило прислушаться.

«Видимо, так и должно быть, – решил Леонид Андреевич после очередной реплики Голоса. – Так задумано. Наверное, это и есть те самые нанотехнологии, о которых так часто говорят Президент и Премьер. Вот они, в действии. Хорошо придумано – оснастить кабинет каждого начальника голосом, который будет подсказывать ему что и как делать. Вот он, научно-технический прогресс!...»

Но, на всякий случай, про Голос он никому в учреждении не рассказывал, чтобы подчинённые не начали думать о нём что попало.

«Им это знать не положено, – решил он в результате долгих умозаключений. – Технология эта, несомненно, секретная и предназначена только для руководителей».

А потом он подумал, что надо спросить про Голос у Никодима Наумовича, который обязательно должен быть в курсе. Человек-то большой...

Да, что ни говори, любезный мой Читатель, а руководить учреждением – воистину каторжный труд, и потому любой большой или даже средний начальник, не взирая ни на какие свои странности и недостатки, всё-таки достоин сочувствия и внимания со стороны писательской братии. Он достоин того, чтобы о нём был написан роман, освящающий его нелёгкую, я бы даже сказал, героическую жизнь. К тому же я убеждён, что писатель, дерзнувший совершить сей творческий подвиг, вправе рассчитывать на лавры великого мастера слова...

После этого разговора Бедовый стал реже заходить и меньше жаловаться, а иной раз он и вовсе молча просиживал в кабинете Авоськина минут по десять-пятнадцать с кислой физиономией и уходил, оглашая кабинет тяжкими вздохами, очевидно, таким образом напоминая о своих трудовых мытарствах.

Ещё к начальнику ГУУНО ежедневно заглядывал главный экономист Котец, который тоже предлагал ему свои «варианты». Обычно он клал на стол листы бумаги с проектами различных реорганизаций в учреждении.

– Вот, – говорил Котец, заглядывая в глаза Леониду Андреевичу и пододвигая к нему бумагу.

– Что это? – строго спрашивал начальник ГУУНО, сразу давая этим самым понять, что в его кабинете никакие глупости не допустимы.

– Проект изменений в штатном расписании, – мурлыкал Котец в самое ухо Леонида Андреевича. – Предлагаю сократить пару должностей.

– Для чего? – прямо в лоб задавал вопрос начальник ГУУНО.

– Для экономии заработной платы, – отвечал Котец, преданно глядя на Авоськина сквозь очки с дорогой оправой.

– Не будем горячиться, Евгений Сергеевич, – отвечал ему начальник ГУУНО, отодвигая в сторону очередной такой проект. – В нашем учреждении каждый находится при деле, и

лишних сотрудников у нас нет. Да, каждый занят чем-то ответственным и значимым. Или вы считаете иначе?

– Я с вами полностью согласен, – говорил Котец, пытаясь вновь пододвинуть свою бумагу. – Безусловно, это так, и тем не менее...

Так, однажды он предложил объединить свой планово-экономический отдел с отделом анализа и прогнозирования.

– Таким образом, мы можем сократить одну из должностей начальника отдела, – резюмировал он.

– Которую же из двух? – спросил Леонид Андреевич, внимательно изучая документ.

– Ну, конечно, должность начальника отдела анализа, – не моргнув, ответил Котец. – А я бы мог работать за двоих на полторы ставки. – Он заискивающе улыбнулся. – Думаю, я справился бы.

– То есть, вы предлагаете сократить целого начальника отдела? – Леонид Андреевич с шумом выдохнул. – Я вас правильно понял?

– Совершенно верно. Тем самым мы пойдём, так сказать, в русле общих тенденций. Сейчас ведь, как вы знаете, по всей стране набирает темпы оптимизация, и...

– Да вы в своём уме? – прервал главного экономиста начальник ГУУНО, представив разъярённое лицо Нагаева. – Как вы можете предлагать мне такое? Оптимизация ведь не касается руководящих структур. Даже наоборот. Везде идёт расширение штатов. Да, расширение. Потому что руководить нашей страной становится всё сложнее и сложнее. А оптимизируются исключительно нижестоящие организации и предприятия, которые играют второстепенную роль в жизни государства.

– Извините, не знал, – пролепетал ошарашенный Котец.

– И зря! – повысил голос Леонид Андреевич. – Знать надо такие вещи, если вы хотите и впредь занимать столь ответственную должность. А то предлагаете мне тут чистейшую авантюру, за которую меня по головке точно не погладят, а вот подзатыльник легко могут дать... или даже пинок под зад. Извините, но этот ваш, так сказать, проект не приемлем. Категорически! Да...

Вообще Котец вызывал в душе Леонида Андреевича некоторую неприязнь, поскольку по утрам он всегда благоухал слишком нежной для мужчины парфюмерией. Да и сам главный экономист выглядел чересчур гламурно: яркие цвета в одежде, блестящие ногти, излишняя манерность и слащавость на лице. Иной раз начальник ГУУНО даже невольно брезгливо морщился, когда Котец входил в его кабинет.

А однажды Леонид Андреевич не выдержал и высказал то, что всё время вертелось у него на языке.

– Евгений Сергеевич, что-то вы вечно какой-то весь... хм...

– Какой? – Главный экономист сделал удивлённые глаза, посмотрев на Авоськина поверх своих шикарных очков.

– Да такой... – Леонид Андреевич сделал руками неопределённые жесты. – Этаким весь... Все эти ваши яркости... К чему всё это? Зачем? Вы бы как-то построже, что ли, одевались... А то, знаете ли... право слово. У нас же здесь серьёзное учреждение, а не хухры-мухры. Мы представляем власть, в конце концов.

– Вам не нравится мой внешний вид? – прямо спросил Котец.

– Можно сказать и так. – Леонид Андреевич нахмурился и добавил в голосе суровой твёрдости. – Да, именно так. Не надо нам здесь этого. Не рекомендую.

– Я вас понял, – потупив взор, промурлыкал Котец. – Приму к сведению.

– Вот и хорошо. Вот и правильно. А то знаете ли...

После этого разговора Котец стал одеваться чуть невзрачней, но благоухал всё так же и продолжал приносить свои экономические проекты, убеждая Леонида Андреевича в их необ-

ходимости. Так он предложил сократить уборщицу и обязать работников самим проводить уборку своих кабинетов.

– А кто же будет мыть коридоры? – задал резонный вопрос начальник ГУУНО.

– Ну... можно составить график, и пусть их моют все по очереди, – тут же нашёлся главный экономист.

– А меня вы тоже включите в этот график? – Леонид Андреевич посмотрел на Котца со злобщей ухмылкой. – И я тоже буду мыть свой кабинет и приёмную? Или заставлю это делать Маргариту Генриховну?

Котец сразу сник и исчез из кабинета...

Приходили и другие работники, которые, в основном, как и Бедовый, на кого-то или на что-то жаловались и ябедничали, а потом намекали на повышение своей зарплаты или на премирование за усердия в работе.

Леониду Андреевичу, конечно, приходилось всех выслушивать и что-то им отвечать, стараясь при этом «не пороть горячку», и он от всего этого сильно уставал.

– Ну что за люди? – бывало, в сердцах говорил он Маргарите Генриховне. – Всё ходят и ходят, всё жалуются и жалуются. Тут никакая нервная система не выдержит. А ещё ведь нужно основную работу делать. Эх-хех-хех...

Секретарша всякий раз ему горячо сочувствовала и тоже негодовала.

– Да, они такие... Вечно чем-то недовольны. И ведь сколько им добра не сделаете, а всё одно, будут вас хаять. Я-то уж знаю... Народ такой...

– Да, народ у нас не очень, – удручённо соглашался Леонид Андреевич. – Не повезло нам с ним. А другого-то народа у нас нет. Придётся с этим мучиться, никуда не денешься.

– Что поделаешь, – говорила Маргарита Генриховна, с жалостью глядя на начальника ГУУНО, – такова ваша начальничья доля. Это, можно даже сказать, рок такой. Так что, крепитесь и мужайтесь. Дальше ещё хуже может быть. Вон, ваши-то предшественники... все плохо кончили, бедолаги... Вы бы поменьше внимания обращали на этих... ходоков, а то так вконец себя изведёте, а на главное сил не останется...

И он крепился, собирая в кулак всю волю, поскольку отчётливо понимал, что должен делать свою работу. Всё-таки, он-то ведь был не абы кто, а начальник.

Но, конечно, наш Леонид Андреевич, как ответственный и деятельный руководитель, не только просиживал в своём кабинете целыми днями (хотя бывало и такое), а ещё и покидал ГУУНО, чтобы, так сказать, воочию видеть, как живёт народ и какие он нужды испытывает. Но об этом речь пойдёт несколько позже. А пока что его беспокойные будни продолжались...

Да, кстати, как всякому более-менее важному начальнику, Леониду Андреевичу был предоставлен служебный автомобиль. Правда, это оказалась всего лишь скромная отечественная «Лада», а не роскошный «Мерседес», как у Губернатора, и не комфортная «Тойота», как у начальника департамента, но пришлось с этим смириться.

– Ну, ничего-ничего, – с грустью сказал он, когда впервые подошёл к своей машине. – В конце концов, это ведь не роскошь, а средство передвижения, как написал кто-то из наших классиков.

Он попытался вспомнить, кто именно из наших классиков написал эту фразу, но на ум ничего определённого не пришло, и начальник ГУУНО вздохнул второй раз.

Водителя звали Володей. Ему было сорок с лишним лет, и водил он весьма умело и, пожалуй, даже лихо, ловко маневрируя в плотных потоках городского транспорта. Правда, Володя слишком много болтал не по делу, зачастую затрагивая в своей болтовне разные щепетильные темы: историю России, политику и даже коррупцию во властных структурах. Он сразу поведал шефу о том, что женат и у него есть дочь-школьница, о том, что выплачивает кредит за покупку машины, и о том, что участвовал в обеих Чеченских войнах: в первой – срочником, а во второй – уже контрактником.

«Ничего, пусть себе болтает», – благосклонно решил Леонид Андреевич, слушая Володю и всё ещё находясь в эйфории от своей новой должности. – В целом, вроде бы, парень неплохой...»

5. Тринадцатый отдел

Понятное дело, что Леонида Андреевича необычайно интересовало назначение в ГУУНО Тринадцатого отдела. Он старался не думать об этом секретном отделе, но мысли буквально сами собой пробирались в голову, заполняя её и вытесняя из неё всё прочее. Этот треклятый отдел не давал ему покоя ни днём, ни ночью, что даже стало сказываться на его интимных отношениях с супругой.

– Мосечка, ну скажи мне, что тебя так сильно беспокоит? – в одну из таких ночей прямо спросила его Галина Егоровна. – У тебя неприятности на работе? Если да, то не держи в себе, поделись со мной. Может, я тебе что-нибудь посоветую.

– Да нет у меня никаких неприятностей, – ответил огорчённый очередной неудачей Леонид Андреевич. – Просто устаю сильно. Работы много, нервы на пределе. Отсюда всё и происходит.

– Бедненький, не бережёшь ты себя, – пожалела его Галина Егоровна, пытаясь вновь приласкать и воодушевить мужа на любовные подвиги...

И такая напасть стала случаться с ним всё чаще и чаще, что грозило полной потерей семейного счастья.

Руководил Тринадцатым отделом Бурин Виктор Олегович. Он, как и предупреждал Нагаев, изредка приносил начальнику ГУУНО на подпись какие-то отчёты, служебные записки, накладные и прочие бумаги, но на любые вопросы отвечал лишь загадочной улыбкой или многозначительной ухмылкой, и Леонид Андреевич сразу понимал, что спросил какую-то глупость.

Пару раз он пытался вывести хоть какую-нибудь информацию у секретарши, предполагая, что та должна что-то знать, но обе попытки не увенчались успехом.

– Ох, лучше и не спрашивайте, – в первый раз ответила Маргарита Генриховна. – Уж поверьте моему профессиональному и женскому опыту. – При этом она томно прикрыла глаза, очевидно, вспомнив нечто приятное. – Есть вещи, о которых не следует знать даже самому большому начальнику. Потому что это знание не принесёт вам ничего, кроме одного расстройства. Помните, как сказано у этого... мудрого библейского царя?.. А, Экклезиаста... Хм... – Она наморщила лоб, а потом стала цитировать по памяти слова из Библии, повергнув Леонида Андреевича в полную растерянность. – И предал я сердце моё тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость: узнал, что и это – томление духа, потому что во многой мудрости много печали, и кто умножает познания, умножает скорбь...

Когда же он опять заикнулся о загадочном отделе, Маргарита Генриховна посмотрела на него так, как смотрит строгая учительница на нерадивого ученика, в очередной раз не знающего материал.

– Будем считать, что вы этого не спрашивали, а я – не слышала. Хорошо?..

Каждый день Леонид Андреевич нарочно проходил мимо двери Тринадцатого отдела, на которой висела ненавистная табличка «Посторонним вход воспрещён!». Его рука сама тянулась к ручке двери, но всякий раз он неимоверным усилием воли удерживал себя от опрометчивого поступка. При этом начальник ГУУНО испытывал сильнейшую обиду и острейшую досаду. Ещё бы! Ведь получалось, что он, начальник учреждения, является тем самым ПОСТОРОННИМ.

– Ведь это же абсурд! – возмущённо говорил он сам себе, когда возвращался в свой кабинет после очередного такого похода. – Я – посторонний! Это же ни в какие ворота... Это просто издевательство...

Конечно, долго всё это продолжаться не могло. Тайна, окутывающая Тринадцатый отдел и его деятельность, всё сильнее и сильнее тяготила нашего Леонида Андреевича, превращая его жизнь в мучительное существование и нещадно терзая разум начальника. Он уже не находил себе места в собственном кабинете, обдумывая разные способы эту тайну разгадать. Он даже стал подумывать о том, чтобы после окончания рабочего дня взломать дверь Тринадцатого отдела и посмотреть, что там внутри такое находится. Но, как законопослушный гражданин, Леонид Андреевич, конечно же, не мог себе такого позволить. Да и охранник всё равно прибежал бы на шум, что грозило скандалом.

И вот, в итоге долгих, напряжённых раздумий, вконец измученный начальник ГУУНО решил действовать традиционным русским методом. Когда Бурин зашёл к нему в кабинет с очередными бумагами, Леонид Андреевич, дрожа от волнения, произнёс то, что пришло ему на ум.

– Виктор Олегович, не могли бы вы сегодня зайти ко мне в конце рабочего дня?

Начальник Тринадцатого отдела пристально посмотрел на него, прищурив свои карие глаза, словно хотел прочесть все мысли в голове начальника управления, а потом молча кивнул, тем самым дав понять, что давно уже ожидал такого вопроса и знает, для чего он должен зайти в конце рабочего дня.

Когда Бурин вышел, Леонид Андреевич почувствовал огромное облегчение и был чрезвычайно доволен собой. В него в этот момент вселилась необъяснимая уверенность в том, что отныне дело пойдёт как надо.

Он встал и, подойдя к шкафу, на всякий случай, лишний раз убедился, что в баре имеется всё необходимое для самого серьёзного разговора...

— — —

За пять минут до окончания рабочего дня начальник Тринадцатого отдела вошёл в кабинет начальника ГУУНО.

– Присаживайтесь, Виктор Олегович, – сказал Леонид Андреевич, указав рукой на стул, стоявший напротив. – Я давно собирался с вами поговорить. Догадываетесь, по какому поводу?

– Догадываюсь, – честно ответил Бурин, глядя с лёгкой иронией, чем немного смутил хозяина кабинета.

– Да? Ну, так даже лучше. – Авоськин натянуто улыбнулся, и атмосфера в кабинете стала более доброжелательной. – Тогда, как говорится, не будем тянуть резину, а сразу возьмём быка за рога. Вы согласны?

– Согласен. – Бурин сложил на груди руки. – Я полностью одобряю ваше правильное решение.

– Вот и замечательно. – Леонид Андреевич сходил к шкафу и достал из бара бутылку коньяка и плитку шоколада. – Как вы относитесь к армянскому? – спросил он.

– Очень даже положительно, – ответил начальник Тринадцатого отдела, и глаза его сразу наполнились радостью и даже умилением.

Леонид Андреевич откупорил бутылку и распечатал шоколад, после чего извлёк из верхнего ящика стола две рюмки, на которых был изображён герб города.

– Приятно иметь дело с профессионалом. – Он налил по полной. – Предлагаю выпить за профессионализм во всяком деле.

– Полностью поддерживаю, – сказал Бурин, решительным движением взяв рюмку...

Они выпили и съели по кусочку шоколада.

– Да, умеют всё-таки армяне делать коньяк, – констатировал Леонид Андреевич, чувствуя, как тепло разливается по внутренностям. – «Арагат» ещё в советские времена был известен. Хорошая марка.

– Умеют армяне, – согласился Бурин, откинувшись на спинку стула. – Да и грузины тоже.

Он был среднего роста и среднего телосложения. Его тёмно-русые волосы были коротко подстрижены, добавляя мужественности лицу начальника Тринадцатого отдела. Вообще он разительно отличался от всех прочих работников ГУУНО, больше напоминая какого-нибудь рабочего или колхозника, чем офисного работника, и потому казался в этом учреждении пришельцем из какого-то другого мира. Впрочем, Леонид Андреевич тут же почему-то подумал, что начальник Тринадцатого отдела и должен выглядеть именно таким вот суровым мужиком, вдоволь нахлебавшимся в жизни всяких лишений.

– Как обстановка в отделе? – спросил Авоськин.

– Рабочая, – коротко ответил Бурин.

– Работы много? – опять спросил Авоськин.

– Хватает, – уклончиво ответил Бурин.

– Понятно. – Леонид Андреевич налил ещё по одной. – Ну, тогда за успехи в работе...

Они опять выпили и съели ещё по одному кусочку шоколада.

Леонид Андреевич решил, что пора уже переходить к главному.

– А не могли бы вы... – произнёс он и замялся, стараясь правильно сформулировать свою просьбу, – хотя бы вкратце посвятить меня в то, чем занимается ваш отдел. А то как-то...

– Понимаю, – кивнул Бурин. – Ну, если только вкратце. А то ведь...

Начальник ГУУНО достал носовой платочек и протёр им свой лоб, от волнения обильно покрывшийся потом.

– Я, знаете ли, чего уже только не предполагал. – Он виновато улыбнулся. – Даже всякая чушь в голову лезла.

– В принципе, в какой-то мере вы угадали. – Бурин покосился на бутылку «Арарата».

Леонид Андреевич, верно истолковав этот взгляд, вновь наполнил рюмки.

– В каком смысле? – спросил он перед тем как выпить.

– Да в прямом, – ответил начальник Тринадцатого отдела после того как выпил и закусил шоколадом. – Чушью и занимаемся, в том числе...

– Как это? – удивился Авоськин.

– Да так, – усмехнулся Бурин. – Мы изучаем аномальные нужды общества, а также работаем с теми общественными организациями, которые занимаются разной неясной деятельностью.

– Это какой же? – ещё больше удивился Леонид Андреевич.

– Да такой. – Бурин сделал рукой неопределённый жест. – Которая вызывает у руководства сомнения и беспокойство.

– Поясните, пожалуйста, – попросил начальник ГУУНО, пытаясь представить, что это может быть за деятельность.

– Да пожалуйста. – Начальник Тринадцатого отдела закинул ногу на ногу. – С чего начать?

– Ну, начните с главного. – Авоськин тоже откинулся в кресле и закинул ногу на ногу, приготовившись внимательно слушать.

– Хорошо... Ну так вот... В данное время наш отдел занимается одной весьма мутной организацией. Называется она «Эпоха прогресса».

– Какое необычное и броское название, – сразу заметил Леонид Андреевич.

– Название они, очевидно, взяли из фантастических романов братьев Стругацких, – пояснил ему Бурин. – Там были такие... прогрессоры. Они летали по Вселенной и помогали развиваться другим цивилизациям.

– Увы, не читал. – Авоськин развёл руками. – Я никогда не любил фантастику.

– Ну, это зря. – Бурин похмыкал и покачал головой, видимо, раздосадованный тем фактом, что начальник ГУУНО не любит фантастику.

– Так чем же занимается эта «Эпоха прогресса»? – нетерпеливо спросил Леонид Андреевич.

– Вот это мы как раз и пытаемся выяснить. – Бурин криво усмехнулся. – В уставе организации сказано, что она ведёт прогрессорскую деятельность, направленную на то, чтобы подготовить население Земли к переходу человеческой цивилизации в новую, более совершенную стадию развития.

– Как вы сказали? – Авоськин растерянно заморгал, услышав такую заумную и непонятную формулировку. – Прогрессорскую деятельность?

– Вы не ослышались. – Бурин опять покосился на бутылку. – То есть они будут нас готовить к переходу в новую стадию развития.

– И что всё это означает? – Леонид Андреевич налил коньяк, отметив, что в бутылке осталось ещё на один раз.

– Ну... я полагаю, что их задача сделать нас более совершенными во всех смыслах.

– Да? – Начальник ГУУНО задумчиво почесал затылок. – И как же они собираются это сделать? Большевики и то не смогли, несмотря ни на какие усилия.

– Не смогли, – согласился начальник Тринадцатого отдела. – К сожалению.

– Вы что, симпатизируете большевикам? – насторожился Авоськин.

– Симпатизирую. – Бурин посмотрел на него с вызовом. – А что? Это запрещено?

– Нет, но... в наше время это считается дурным тоном. Вы же знаете отношение к данной теме и вообще к Советскому Союзу нашего Президента?

– Знаю. – Бурин помрачнел. – Но, тем не менее, идеи большевиков были очень даже заманчивые. Построить идеальное, справедливое общество... Разве это плохо?

– Конечно, хорошо. – Леонид Андреевич с грустью вспомнил свою комсомольскую юность. – А Никодим Наумович знает о ваших... хм... политических взглядах?

– Знает. – Бурин быстрым движением схватил рюмку и опрокинул её в рот. – Я их и не скрываю.

Авоськин не стал отставать от начальника Тринадцатого отдела в плане коньяка.

– И что, неужели он вас за это не упрекает?

Бурин пожал плечами.

– А почему он должен меня упрекать?

– Ну как же... Он ведь состоит в нашей главной партии. В основной. Теперь ведь у нас другие большевики.

Леонид Андреевич захихикал, довольный собственной остротой. Несомненно, это армянский «Арапат» так благотворно повлиял на его мозговую активность.

– То, что Никодим Наумович состоит в нашей главной партии, ещё не значит, что он её горячо любит, – с ухмылкой возразил Бурин. – Как и многие другие. Просто им так удобно и выгодно.

– Да? – Авоськин перестал хихикать и даже немного протрезвел от таких тревожных слов начальника Тринадцатого отдела. – Вы говорите крамольные вещи. Вряд ли они кому-то понравятся.

– А мне плевать, понравятся они кому-то или нет, – неожиданно резко сказал Бурин. При этом его лицо сделалось злым и даже свирепым.

Леониду Андреевичу стало не по себе. Было непонятно, как человек с подобными мыслями в голове оказался работником солидного государственного учреждения на столь ответственной должности. А всё непонятное всегда пугало Авоськина. Даже теперь.

– Ну-ну, Виктор Олегович, не горячитесь. У нас ведь дружеская беседа.

Он настороженно разглядывал начальника Тринадцатого отдела, не зная, чего ещё от того ожидать и как к нему вообще относиться. Судя по всему, сильно откровенничать с ним явно не стоило.

– Ну и что дальше с этой «Эпохой прогресса»? – вернулся Леонид Андреевич к начальной теме. – Как всё-таки эти прогрессоры хотят усовершенствовать человечество? Какими методами?

– Да как обычно. – Бурин махнул рукой. – Проводят сборища для желающих стать более совершенными, размещают в Интернете ролики со своими проповедями, издают брошюры и так далее. Короче, ведут активную агитацию.

– Понятно. И чем они не нравятся руководству? Вроде бы, безвредные чудачки.

– Руководство так не считает. – Бурин многозначительно посмотрел на Авоськина.

– А как считает руководство? – Леонид Андреевич затаил дыхание от любопытства.

– А оно считает, что это либо опасная тоталитарная секта, либо шайка мошенников.

– Вот оно как. – Начальник ГУУНО призадумался. – Расскажите подробней.

– Подробней не получится. – Начальник Тринадцатого отдела ухмыльнулся. – Для этого нужно разрешение Никодима Наумовича. У меня на это строгие указания... Так что, пардон муа, как говорят французы... Поговорите с начальником департамента. Скажите, что хотите взять под личный контроль работу с «Эпохой прогресса». Может, он и разрешит.

– Спасибо за подсказку. – Леонид Андреевич согласно кивнул. – Хорошо, я так и сделаю. Очень уж занятая организация... Ну а что это за аномальные нужды, о которых вы упомянули?

– Да чушь всякая, как вы и сказали. – Бурин сам взял бутылку и разлил в рюмки остатки коньяка. – Это всё то, что не укладывается в привычные рамки.

– То есть? – не понял Авоськин.

– Да то и есть. Барабашки разные, колдовство, паранормальные явления, пришельцы и прочая чертовщина.

– Чертовщина, говорите? – Леонид Андреевич почувствовал себя неуютно и ощутил, как по спине пробежали мурашки.

– Да, чертовщина. – Бурин поднял рюмку. – Без неё, родимой, никуда.

Авоськин непроизвольно огляделся по сторонам, заметив, что в углах кабинета начал сгущаться сумрак.

– Понятно. Хотя... откуда в двадцать первом веке чертовщина? – Он потянулся своей рюмкой к начальнику Тринадцатого отдела.

– Да чёрт с ней, с этой чертовщиной. – Бурин проигнорировал или не заметил это движение руки начальника ГУУНО и выпил не чокаясь. – Ну её к лешему...

– И как оно? – спросил Леонид Андреевич, тоже выпив в одиночку. – Страшно бывает?

– Да по-разному, – уклончиво ответил Бурин. – А вообще, я тебе так скажу, – перешёл он на «ты». – Самое страшное в жизни это когда начальник идиот.

Авоськин закашлял, едва не подавившись шоколадкой. Эта неожиданная фраза не по существу разговора прозвучала с каким-то пугающим вызовом.

– Р-разве такое бывает? – дрогнувшим голосом спросил он, ввергнутый в настоящий душевный хаос.

– Ещё как бывает, – уверенным голосом сказал Бурин и, встав, задумчиво посмотрел на начальника ГУУНО. – Ну ладно, пожалуй, я пойду. Приятно было с тобой поговорить. Если что, обращайся. Буду рад помочь с этим. – Он кивком указал на пустую бутылку. – Как говорится, ***но пасаран**.

Вскинув вверх правую руку со сжатым кулаком, начальник Тринадцатого отдела бравым шагом покинул кабинет, оставив Леонида Андреевича в одиночестве и полном недоумении.

– Причём здесь «но пасаран»? – вслух спросил начальник ГУУНО и замер, ожидая услышать Голос.

Он прождал несколько минут, но Голос подозрительно хранил молчание, то ли не зная, что на это сказать, то ли не считая нужным ответить. Между тем, сумрак в кабинете становился всё гуще и гуще, пробуждая в душе нашего начальника ГУУНО давно забытые детские страхи.

Не дожидаясь, пока его сознание отдастся этим страхам, Авоськин схватил барсетку и поспешил покинуть свои начальничьи чертоги. Уже у самой двери он вдруг явственно почувствовал спиной чей-то тяжёлый, пристальный взгляд, отчего ему сделалось жутко. Он хотел, было, оглянуться, но понял, что не может этого сделать, и, пулей выскочив в приёмную, захлопнул за собой дверь.

«Вот она, чертовщина!» – подумал Леонид Андреевич и, вытащив трясущейся рукой из барсетки ключ, с трудом попал им в замочную скважину.

Замкнув кабинет, на дрожащих ногах он выбежал в коридор. Но и здесь какая-то незримая, давящая аура не отпустила его и преследовала до самого выхода из учреждения. Только добежав до поста охранника, Авоськин боязливо оглянулся и, убедившись, что за ним никто не гонится, перевёл дух.

Старик-охранник, при появлении начальника, подхватился со своего стула и встал по стойке «смирно».

– Как обстановка? – спросил Леонид Андреевич, прислушиваясь к неясным шорохам, исходящим из недр учреждения.

– Спокойная, – доложил старик. – Все работники покинули здание. Вы – последний.

– Будьте внимательны, – дал указание Авоськин. – В случае чего, немедленно звоните мне.

– Слушаюсь! – молодецкато гаркнул старик, как заправский, старательный служака.

Взбодрённый такой рьяностью охранника, Леонид Андреевич покинул ГУУНО в хорошем настроении. Его переполняла бурная радость, потому что тёмная завеса тайны над Тринадцатым отделом была немного приоткрыта. Оставалось ещё только каким-то образом получить у Нагаева разрешение на содействие Бурину, но это уже было делом времени...

По дороге домой, под впечатлением от разговора, Леонид Андреевич решил узнать мнение водителя по поводу нечисти.

– Скажи-ка, ты веришь в чертей и всякую прочую нечисть? – спросил он.

– В нечисть-то? – Володя хохотнул. – Не знаю. Врать не буду, лично ничего такого не видел, хотя люди разное рассказывают... А вот ведьмы точно есть. У моего корешка одного двоюродная сестра из них. К примеру, может взять человека за руку и сказать ему, что с ним было и что будет. Заговоры знает, зелья какие-то варит и всё такое... Короче, ведьма ведьмой.

– Одна живёт? – заинтересовался Леонид Андреевич.

– Что удивительно, не одна. Они с мужем вместе уже почти двадцать лет.

– И как же он с ведьмой живёт? – поразился начальник ГУУНО.

– Да вот так и живёт. Говорит, что ему с ней хорошо, хотя порой какие-то непонятные вещи и творятся.

– Может, приворожила? – предположил Леонид Андреевич.

– Может, и приворожила, кто знает. – Володя опять засмеялся. – А вообще, я думаю, что все красивые бабы в той или иной степени ведьмы. Может, и не зря их инквизиция сжигала и топила. Из-за этих баб одни беды, если вдуматься. Даже войны случались.

– Случались, – согласился Леонид Андреевич, неплохо знавший историю. – Троя пала из-за Елены прекрасной, а Клеопатра, по сути, способствовала гражданской войне в древнем Риме, запудрив мозги сначала Цезарю, а потом Антонию.

– Во-во, это всё чары колдовские, – уже серьёзно произнёс водитель...

Этой ночью Леонид Андреевич оказался в постели на высоте как мужчина, чем несказанно поразил супругу, которую он тоже заподозрил в колдовстве.

– Слава Богу, Мосечка, – горячо шептала ему счастливая Галина Егоровна, крепко прижимаясь к груди мужа. – А то я так переживала за тебя, так переживала.

И они заснули крепким, безмятежным сном, словно молодые влюблённые...

6. Внеплановое совещание

Удобный случай пообщаться с Нагаевым представился спустя два дня, в четверг, когда Никодим Наумович собрал на совещание в своём кабинете начальников отделов и подведомственных управлений.

Поскольку Леонид Андреевич оказался на таком совещании впервые, он растерялся, не зная, какое занять место.

– Ваш стул – седьмой слева, – подсказала ему какая-то женщина представительного вида с густой копной светлых волос, беспорядочно спадавших ей на плечи и спину.

– Спасибо, – сказал ей Авоськин и вновь растерялся, не зная, с какой стороны считать стулья – от двери или от стола Нагаева.

– Вон тот, – вновь подсказала та же женщина, показав пальцем на нужный стул.

Леонид Андреевич снова поблагодарил её, подметив, что женщина эта имеет вполне приятную внешность.

Тем временем кабинет заполнялся. Начальники управлений и отделов, задумчивые и сосредоточенные, занимали свои места и клали перед собой бумаги с тезисами и разными данными, а также записные книжки или ежедневники. Все они бросали любопытные взоры на Леонида Андреевича, но его это особо не смущало, поскольку их любопытство было вполне естественным и понятным.

Сам же начальник ГУУНО тоже украдкой присматривался к собравшимся, потому что ему отныне предстояло работать с этими людьми в одной команде, и он надеялся, что работа эта будет долгой и плодотворной.

Когда в кабинет вошёл Нагаев, все дружно встали, и Леонид Андреевич вскочил на ноги одним из первых, боясь оказаться в числе последних.

– Садитесь, товарищи, – на ходу бросил Никодим Наумович, пробежав быстрым, цепким взглядом по лицам подчинённых и на секунду задержав его на Авоськине.

Начальник департамента сел и пару минут что-то внимательно просматривал на мониторе компьютера, словно позабыв, что здесь находится ещё кто-то. Затем он всё же переключил своё внимание на сидящих в кабинете и заговорил, вызвав в душе Леонида Андреевича волнительный трепет.

– Товарищи, – сказал Нагаев, – сегодня мы с вами собрались здесь, чтобы провести это внеплановое совещание по рассмотрению текущих вопросов деятельности нашего департамента, поскольку такое совещание давно уже назрело. Вопросы в ходе работы неизбежно возникают, и решать их нужно не мешкая, так как промедление приводит к появлению новых вопросов и, так сказать, усугублению старых. А принцип «хорошо поставленный вопрос должен долго стоять» уместен далеко не всегда...

Он замолчал, ожидая всеобщую реакцию на его шутку. В кабинете сразу раздались смешки, и довольный Нагаев продолжил.

– Так вот, товарищи... О чём я хочу сегодня сказать... Мы с вами, все вместе, делаем одно большое и важное дело. Мы решаем задачи, которые ставит перед страной, а значит, и перед нами Президент. Суть этих задач проста – сделать нашу страну, как минимум, одним из лидеров мирового сообщества, потому что потенциал нашей страны огромен, и она способна стать этим самым лидером. Более того, она способна на такие свершения, о которых даже страшно подумать...

Леонид Андреевич заметил, что почти все присутствующие открыли свои записные книжки и ежедневники и что-то в них пишут. Он тоже открыл свой ежедневник и хотел сделать в нём запись, но так и не решил, что именно писать.

– Почему вы не записываете? – шёпотом спросил у него сидевший справа мужчина, который был примерно такого же возраста, как Авоськин, только более худой. – Никодим Наумович этого не любит. Лучше пишите...

– Спасибо, – прошептал в ответ Леонид Андреевич и стал записывать отдельные фразы и слова, сказанные Нагаевым. Ему не хотелось вызвать недовольство начальника департамента.

– Но эти свершения будут невозможны без всеобщих усилий, – продолжал Нагаев, – и наших в том числе. Не забывайте слова Президента о том, что мы живём в особенное время, когда каждый наш шаг и каждый поступок решают судьбу страны на десятилетия вперёд. И именно сейчас многое зависит от нас, простых чиновников, работающих не покладая рук на благо государства. Именно мы с вами сегодня находимся на переднем крае этой... хм... всеобщей борьбы за будущее России. Да, мы уже многого добились и многое преодолели на пути построения свободного, демократического общества. Но это отнюдь не значит, что мы должны успокоиться и сложить руки. Нет! Ни в коем случае!.. Мы обязаны двигаться в своём развитии дальше, к новым свершениям, и достигать всё новых и новых высот. Только так и никак иначе... Как сказал Президент, нам ещё нужно совершить решительный прорыв, потому что мы можем ставить и решать задачи нового уровня...

Никодим Наумович опять замолчал и суровым взглядом оглядел присутствующих, как бы ожидая, что кто-то что-нибудь возразит или добавит к сказанному. Но, понятное дело, никаких возражений или добавлений не последовало.

– Впереди много работы, – снова прошептал сидевший справа человек. – Ещё многое нужно сделать.

– Да, – шёпотом согласился Леонид Андреевич. Он представил, сколько ещё всего предстоит сделать ему и его учреждению, и ощутил благоговейный трепет и восторг.

«Сейчас многое зависит от нас, простых чиновников», – мысленно повторил он слова Нагаева и записал их в ежедневник.

– Ну а теперь перейдём к рассмотрению текущих вопросов, – сказал Никодим Наумович, – и начнём с начальника отдела стратегии и планирования. Прошу вас, Сергей Евгеньевич.

Сидевший напротив Леонида Андреевича тучный мужчина с большой головой встал и прокашлялся. Одет он был в тёмно-серый костюм с чёрными вертикальными полосками.

– Это Дубровин, – прошептал сидевший справа. – Туповат для такой должности, но зато труслив и управляем...

– В данное время наш отдел занимается планированием новой стратегии, – начал доклад Дубровин, неловко переминаясь с ноги на ногу, – которая должна быть гораздо более эффективной, чем прежняя.

– Это очень хорошо, – обрадовался Нагаев. – Именно этого я от вас и жду. И что, когда вы порадуете нас своей новой стратегией?

– Мы планируем закончить её разработку в первом квартале следующего года, – сказал Дубровин. – В крайнем случае, во втором.

– Нет, я в корне не согласен с этим. – Никодим Наумович помрачнел. – Не нужно заниматься волокитой, уважаемый Сергей Евгеньевич. Губернатор надеется на нас, он ждёт от нас эффективной работы. А вы тут что-то говорите про следующий год. Вы что, хотите подвести Губернатора и лично меня?

Он вперил в Дубровина грозный взгляд.

– Не... хочу, – пролепетал начальник отдела стратегии и планирования, заметно побледнев.

– Тогда ваша новая стратегия должна быть готова к концу ноября. А я себе сделаю пометочку. – Нагаев действительно что-то коротко черкнул в своём ежедневнике. – И если вы не успеете, то получите взыскание. Всё, можете садиться.

Дубровин безвольно опустился на стул и, достав платочек, стал вытирать вспотевший лоб.

– Так... – произнёс Никодим Наумович. – Следующим будет... – Он медленно обвёл взглядом сидящих. – Следующим будет начальник отдела внедрения инноваций. Точнее, следующей... Чем вы порадуете нас, Наталья Игоревна?

Поднялась стройная женщина лет сорока – симпатичная шатенка с вьющимися, до плеч, волосами. Бежевый костюмчик очень хорошо подходил к её стройной фигуре.

– Никодим Наумович, вы же знаете, насколько индифферентно и инертно наше общество, – сказала Наталья Игоревна. – Любые наши инновации приходится буквально пробивать с боем, чуть ли не навязывать людям силой. Порой мы даже доходим до полнейшего абсурда.

– Дацковская, – сообщил на ухо Леониду Андреевичу сосед справа. – Умная. Любит весёлые компании. Разведена. Но стерва редкостная. Феминистка.

При слове «стерва» Авоськина покорило. Он не любил стервозных женщин, от которых всегда можно было ожидать какие-то проблемы и неприятности.

– Да, я вас прекрасно понимаю. – Нагаев похмыкал. – Но, тем не менее, от нашей работы ждут результатов, и каждый из нас несёт персональную ответственность на своём рабочем месте.

– Результаты будут, – заверила его Дацковская. – Мы умеем работать. К тому же, в моём отделе опытные специалисты. Уже в текущем квартале мы внедрим две очередные наши инновации. Можете в этом не сомневаться.

– Две? – Никодим Наумович посветлел лицом. – Что ж, вы это сами сказали. – Он сделал ещё одну пометку. – Садитесь, а я хотел бы теперь услышать начальника отдела перспективных направлений.

На этот раз поднялся сам сидевший от Авоськина справа.

– Сейчас мы разрабатываем сразу несколько перспективных направлений, – уверенно заговорил он, – и я убеждён в том, что эти направления положительно скажутся на работе всего нашего департамента.

– Вот, товарищи! – Нагаев указал авторучкой на выступающего. – Советую вам всем брать пример с Алексея Петровича и поучиться у него, как надо работать. Продолжайте, Алексей Петрович.

– Безусловно, каждое из этих направлений по-своему важно и позволит нам в целом улучшить политику в отношении нашего общества, – ещё более уверенно сказал Алексей Петрович. – Согласитесь, коллеги, что в этой политике у нас ещё не всё гладко. Имеются, так сказать, некоторые шероховатости.

– Не без того, – подал реплику кто-то из сидящих в кабинете.

– Вот. – Начальник отдела перспективных направлений указал пальцем вверх. – А поскольку от деятельности нашего департамента зависит отношение общества к власти в целом, то мы должны постоянно стремиться к улучшению нашей заботы об обществе. А для этого нам нужны всё новые и новые перспективные направления, разработкой коих мы, собственно, и занимаемся. Я абсолютно уверен в том, что в самое ближайшее время одно из наших перспективных направлений уже даст неплохие результаты.

– Мне нравится ваш подход к работе, – похвалил его Нагаев. – Я рассмотрю вопрос о премировании вашего отдела по концу квартала. Садитесь, товарищ Михеев. Спасибо... Ну, а что нам скажет начальник отдела прорывных решений? Мы вас слушаем, Александр Сергеевич.

Со стула поднялся невысокий, нескладный на вид, человек с лысиной на макушке, в мятом коричневом костюме.

– Мы работаем, – буркнул он, пряча глаза.

– И всё? – Никодим Наумович сердито нахмурил брови. – Вам больше нечего сказать, товарищ Бурдуков? Так-так... – Нагаев положил ручку и сцепил руки в замок. – Плохо, очень

плохо. Губернатор надеется на нас, он ждёт от нас эффективной работы, – повторил он. – Наш департамент ещё молод, и наша с вами задача показать, что он был создан не зря. А для этого мы должны работать вдвое лучше, чем другие департаменты. Вы это понимаете, товарищ Бурдуков?

Александр Сергеевич молча кивнул и шмыгнул носом. Он походил сейчас на провинившегося школьника.

– А мне вот кажется, что вы всё-таки чего-то недопонимаете. – Нагаев взглянул на него исподлобья. – Я не вижу ваших прорывных решений. – Он заглянул под стол, затем развёл руками. – Не видать их что-то. Где они?

– Будут... – едва слышно проямлил Александр Сергеевич.

– Что-что? – Никодим Наумович приложил руку к уху. – Не слышу.

– Они будут, – уже более внятно сказал Бурдуков.

– Будут? Это немного радует. Я так и запишу. Будут. – Нагаев сделал очередную пометку. – Ну и когда же они будут?

– Скоро.

– Скоро? – Начальник департамента посмотрел с сомнением. – Вы уверены в этом?

– Да, – с явным трудом промолвил Александр Сергеевич.

– Ну хорошо. – Нагаев удовлетворённо кивнул. – Хорошо, товарищ Бурдуков, мы поверим вам и будем ждать от вашего отдела прорывные решения. И если в ближайшее время их не будет, мне придётся вас наказать, а наказывать я умею. Уж поверьте... Чтобы в стране был прорыв, нужны прорывные решения. Думаю, это всем понятно. Так что, если вы не справитесь с возложенными на ваш отдел задачами, потом не обижайтесь... Да, и что это на вас за костюм такой? Вы что, не можете купить себе нормальный?

Александр Сергеевич что-то пробубнил себе под нос.

– Не надо оправдываться, – сурово изрёк Нагаев. – Мы здесь не в бирюльки играемся. Поэтому прошу вас принять моё замечание к сведению.

– Приму, – сказал Бурдуков, окончательно поникнув.

– Вот и замечательно. Садитесь. Так... – Нагаев вперил взгляд в Леонида Андреевича. – Товарищ Авоськин, вы в нашем департаменте человек новый, но уже хорошо проявили себя. Может, вы хотите что-нибудь сказать?

Леонид Андреевич пружинисто встал, испытывая приятное волнение, вызванное похвалой начальника департамента.

– Да, я хочу сказать. – Он посмотрел на Алексея Петровича, и тот ободряюще кивнул ему. – Конечно, эта работа для меня новая, и поэтому она пока ещё даётся мне непросто, поскольку имеет, так сказать, свою специфику. Но всё же она нравится мне, потому что я понимаю всю её важность и ответственность. Я уже практически вник во все её нюансы и теперь смело могу сказать, что она мне по силам. Я, как начальник управления, обещаю приложить все свои силы к тому, чтобы ни одна нужда нашего общества не осталась без учёта. Я даже придумал девиз, с которым моё управление отныне будет работать.

– Девиз? – Никодим Наумович буквально засиял. – И какой же?

– Нужда человека это наша общая забота! – с пафосом произнёс Леонид Андреевич, который размышлял над этим девизом целых три дня и придумал его дома, в соавторстве с женой и дочерью.

– Прекрасно! – Нагаев зааплодировал, и его аплодисменты сразу же подхватили все заседающие. – Сразу виден креативный подход. Если так будет подходить к своей работе каждый, то мы добьёмся высоких показателей.

– Мне кажется, что самый главный показатель это любовь и уважение к нам граждан, – выпалил экспромтом окрылённый Леонид Андреевич.

– Какие замечательные слова. – Дрогнувшим голосом сказал Нагаев, и его глаза повлажнели от чувств. – И сразу видно, что сказаны они от души... Вы правы, дорогой наш товарищ Авоськин, вы попали в самое яблочко. Ведь, в самом деле, для нас ничего нет важнее и дороже любви и уважения народа. Это, можно сказать, самое точное мерило, по которому оценивается наш непростой труд. Да, каждому из нас временами бывает невыносимо тяжело, но если человек любит свою работу, то он, ради её выполнения, способен преодолеть самые великие трудности и тягости. А я нисколько не сомневаюсь, что все вы по-настоящему любите свою работу, потому что все вы пришли сюда по зову сердца...

– Вы молодец, – прошептал Леониду Андреевичу Михеев. – Мне будет приятно сотрудничать с вами.

– Мне тоже, – прошептал ему в ответ польщённый Авоськин.

– А теперь заслушаем нашего начальника отдела по профилактике коррупции. – Никодим Наумович подпёр голову кулаком. – Говорите, Михаил Антонович. Как у нас обстоят дела с коррупцией? Ещё есть местами или уже искоренили её всюду?

Поднялся высокий человек с тяжёлым, мрачным взглядом.

– Полуэктов, – прошептал Алексей Петрович. – Скверный тип. Не советую иметь с ним дел...

– К сожалению, отдельные проявления ещё кое-где встречаются, – хмуро изрёк Полуэктов. – Но это, как правило, происходит среди рядовых работников.

– Да-да, согласен, – резюмировал Нагаев. – Все мы прекрасно знаем об этом факте. Чем ниже уровень работников, тем выше среди них коррупция. Увы... Но вы, я надеюсь, держите ухо востро?

– Да, наш отдел не теряет бдительности и постоянно ведёт профилактическую работу в данном направлении.

– Вот и хорошо. Обо всех вопиющих случаях коррупции сразу докладывайте мне, а я уж приму действенные меры к этим негодникам. – Лицо Никодима Наумовича на секунду сделалось страшным, затем вновь преобразилось в добродушное. – Садитесь, Михаил Антонович. Спасибо... – Нагаев взглянул на часы. – Ну что ж, товарищи, я думаю, на этом можно закончить наше совещание. У кого-нибудь будут вопросы или просьбы?

– У меня есть вопрос, – произнёс сидевший первым с левой стороны стола молодой человек с тёмными волосами и наглым лицом. На вид ему можно было дать не больше тридцати лет.

– Пожалуйста, Дмитрий Дмитриевич. – Нагаев любезно улыбнулся ему. – Я вас внимательно слушаю.

– Кто это? – шёпотом спросил Авоськин у Михеева.

– Первый зам, – прошептал в ответ Алексей Петрович и, после паузы, добавил. – Племянник...

– Чей? – спросил Леонид Андреевич.

Михеев показал глазами вверх, давая этим понять, что речь идёт о ком-то высоко стоящем.

– Самого? – догадался Авоськин.

Михеев кивнул, красноречиво моргнув двумя глазами.

– Когда вы мне выделите обещанную служебную машину? – спросил Никодима Наумовича племянник «самого».

– Потерпите ещё немного, Дмитрий Дмитриевич. – Щёки Нагаева покрылись густым румянцем. – На этот год все средства уже освоены по назначению. Вашу машину мы заложим в расходы на следующий год.

– Извините, но я с этим категорически не согласен. – Первый зам важно надул щёки. – Мне приходится много ездить... бывать в разных местах. Использовать свой личный автомобиль не всегда бывает возможно. Сами понимаете...

– Да-да, конечно. Я всё прекрасно понимаю. – Никодим Наумович заёрзал в кресле. Он явно испытывал сейчас сильный дискомфорт. – И всё же, Дмитрий Дмитриевич, пока что нет никакой возможности предоставить вам отдельную служебную машину. Уж не обессудьте.

– Ну, тогда хотя бы разрешите мне иногда пользоваться вашей, – попросил, ничуть не смутившись, племянник «самого».

Никодим Наумович даже открыл рот от такой наглости своего первого заместителя.

– Хорошо, – произнёс он после паузы и тяжело вздохнул. – Можете брать мою, но только в случае крайней необходимости. Всё, товарищи, я вас больше не задерживаю.

Все потянулись к выходу, и только Леонид Андреевич остался на месте, так как желал поговорить с Нагаевым наедине.

– А вы почему не идёте? – спросил Никодим Наумович. – Тоже хотите что-нибудь попросить?

– В общем-то, да. – Авоськин испугался, увидев, как переменялся в лице начальник департамента. – Но я исключительно по делу.

– А, вероятно, у вас трудности с кем-то из подчинённых? – предположил с ухмылкой Нагаев. – Угадал?

– Нет, никаких трудностей.

– А что же тогда? – Никодим Наумович посмотрел на него подозрительно, а затем расплылся в ехидной ухмылке. – А, кажется, понимаю... Шерше ля фам, как говорят наши французские партнёры. Да?

– Нет! – Леонид Андреевич занервничал.

– Нет? – Нагаев выглядел растерянным. – Ну, тогда я ничего не понимаю. Что вы мне голову морочите своими намёками?

– Да я же не... в смысле, ещё не сказал ничего.

– Ну так говорите! Говорите. А то отнимаете у меня время и молчите. Это нехорошо. Или, может, вы думаете, что если я вас похвалил, то можно со мной на брудершafft выпить? Да? Признайтесь! Решили, что поймали быка за рога? Думаете, что стали моим любимчиком? Какой вы самонадеянный, однако.

– Да нет, я ничего такого не думаю. – Леонид Андреевич усиленно замотал головой.

– Как, не думаете? – Никодим Наумович пристально посмотрел на него. – Так чего же вы хотите от меня?

– Я по поводу Тринадцатого отдела...

– Ах, вот вы о чём. – Нагаев помрачнел и сел обратно в кресло. – Ну-ну, слушаю вас.

– Я разговаривал с Буриным, и он сообщил мне об организации «Эпоха прогресса»...

– Ну я же говорил вам, что Тринадцатый отдел подчиняется лично мне. Говорил?

– Да, говорили.

– Ну так в чём тогда дело? Вам что, своей работы мало?

– Нет, конечно, работы мне хватает, – осторожно ответил Леонид Андреевич. – Но я хотел бы помочь Бурину. Дело-то непростое, и тут, я считаю, необходима консолидация усилий. Меня это не затруднит.

– Да? – Нагаев смерил его взглядом. – Вы уверены, что вам это надо?

Авоськин кивнул.

– Я хочу лично заняться этой организацией.

– Ну, хорошо, – подумав, сказал Никодим Наумович. – Попробуйте. Может быть, так, в самом деле, будет лучше. Но... в таком случае, вам для этого потребуется помощник.

– Какой помощник?

– Профессионал, имеющий определённый опыт. – Нагаев снисходительно улыбнулся. – И у меня такой человек есть. Вам повезло. Значит, сделаем так... Я дам указание ввести в

вашем управлении новую должность. Назовём её... референт-консультант по экстремальным вопросам. Он будет помогать вам эти самые вопросы решать.

– Ну, если вы считаете, что так будет лучше...

– Вот и отлично. – Нагаев протянул Леониду Андреевичу руку. – Уже с завтрашнего дня ваш новый референт приступит к работе. Всего вам доброго, товарищ Авоськин...

Он покинул кабинет начальника департамента совершенно обессиленным – настолько напряжённым оказалось это внеплановое совещание. На нетвёрдых ногах вышел из здания администрации области и сел в машину.

– Как прошло? – спросил Володя, включая зажигание.

– Лучше не спрашивай. – Начальник ГУУНО махнул рукой.

– Понятно. – Водитель многозначительно хмыкнул. – От начальства добра не жди... Лишь бы взбучку кому-нибудь устроить. Знаем, проходили... Но уж, конечно, лучше всё же работать в государственном учреждении. Какая-никакая законность там всё же есть. Так ведь? Вот... А то эти капиталисты, владельцы фабрик и заводов, творят что хотят... Мне мужики рассказывали... Один в свинокомплексе охранником работает... Говорит, там за любое нарушение сразу штрафуют безбожно... За курение на рабочем месте и за всё прочее... Ну там хоть платят вовремя, и то хорошо... А то ведь кое-где постоянно зарплаты задерживают на пару месяцев или вообще кидают...

Леонид Андреевич рассеянно слушал болтовню водителя и смотрел на городские пейзажи, проплывающие мимо. Он прожил в этом городе много лет, хорошо знал его и питал к нему самые нежные чувства. Вот только многие горожане совсем не нравились ему – они были какие-то несуразные, диковатые и даже чужеродные. Эти неправильные горожане совсем не уважали власть и носили в своих головах всякие крамольные мысли, они постоянно были чем-то недовольны.

– Да уж, понаделали эти свинокомплексы... – сетовал Володя. – Мясо безвкусное, потому что все эти свиньи на химии выращиваются. Деревенская свинина совсем другая. Только где её сейчас возьмёшь, деревенскую-то? Людям ведь запретили свиней разводить, сами знаете. Типа, африканская чума... Ага, как же... Да всё это специально сделано, чтобы был повод запретить. Им ведь монополия нужна, это и дураку понятно...

– Ну, ничего, – пробубнил себе под нос начальник ГУУНО, глядя на идущих по улице людей, – мы всё это исправим. Непременно... В целом-то наше общество не такое уж и плохое. С ним вполне возможно развитие. Тут, главное, нужен грамотный подход...

* * *

Буквально за несколько минут до завершения рабочего дня позвонил водитель и сообщил, что у служебной машины «не крутит стартер» и ремонт, предположительно, займёт не меньше часа.

Вздыхнув, Леонид Андреевич сказал в ответ, что ждать не будет, решив добираться домой на общественном транспорте, как самый обычный гражданин.

Выйдя из ГУУНО, он направился в сторону ближайшей остановки, находившейся на поперечной улице, примерно в сотне метров от учреждения.

«В конце концов, пешком ходить полезно, а, следовательно, порой необходимо», – ободрил он сам себя, твёрдо шагая по плитке тротуара и покачивая в руке портфелем.

Но не прошёл он и трети дистанции, как его неожиданно обогнал некий неопрятно одетый субъект с лохматой бородой и безумным взглядом. Этот мужик бесцеремонно перегорол дорогу, что-то неразборчиво бубня себе под нос.

Ощувив пробежавший по спине холодок, Леонид Андреевич попытался обойти странного типа, но тот не дал ему это сделать, опять встав на пути.

– Что вам нужно, товарищ? – спросил начальник ГУУНО, постаравшись придать своему голосу твёрдость и властность.

Вместо ответа бородатый субъект ехидно захихикал, качая головой.

– Что вы себе позволяете? – теряя самообладание, произнёс Леонид Андреевич. – Дайте мне пройти. Я – должностное лицо.

На эту фразу неопрятный мужик только ещё сильнее засмеялся и стал угрожающе размахивать пальцем.

– Да ладно тебе, букашка чиновничья, не пыжься, – хрипло протараторил бородач, который явно был не в себе. – Я-то всё про тебя знаю, вошь канцелярская. Всё знаю... Думаешь, стал большим начальником? Радуюсь, что важную должность получил? Ага, держи карман шире, дуралей. – Он неожиданно сунул под нос начальнику ГУУНО кукиш и глумливо осклабился. – А вот те нате – хрен в томате! Ты видел вот это? Видел?

Леонид Андреевич вздрогнул и попятился, бросая по сторонам взгляды в надежде увидеть полицейских, но тех, как назло, нигде не наблюдалось. И вообще, улица была на этом участке пустынна, что ещё больше пугало и ввергало в отчаяние.

Между тем безумный бородач схватил дрожащего от страха Авоськина за шиворот и затряс, обдав его резким запахом чеснока.

– Беги оттуда, глупец! Спасайся, несчастный! – хрипло заорал он, выпучив глаза. – Сожрёт тебя Нагаев! Сожрёт с потрохами и косточки выплюнет! Заберёт себе твою душу и лишит разума! Попомни моё слово! Это не человек, а бесовское отродье! Это исчадие адское!..

– Пустите! – в свою очередь дико завопил Леонид Андреевич, пытаясь вырваться. – Как вы смеете? По какому праву?

– Уверуй в слова мои, и спасён будешь, несчастный! – продолжал выкрикивать безумец. – Тебе уготована судьба агнца, и будешь ты принесён в жертву страшному богу, имя коему Золотой Телец... Предрекаю это, ибо знаю истину и вижу... Проси, и дано будет тебе! Ищи, и найдёшь! Стучи, и отворят тебе! Ибо всяк просящий получает, и всяк ищущий находит, и всякому стучащему отворят...

С этими словами сумасшедший незнакомец отпустил Леонида Андреевича и, снова разразившись жутким смехом, убежал в ближайший двор.

Потрясённый и трясущийся начальник ГУУНО тоже побежал, только к остановке, и заскочил в первый попавшийся автобус, чтобы быстрее покинуть это страшное место.

Оказавшись дома, он сразу бросился к холодильнику и, достав оттуда, бутылку водки, быстро открыл её и сделал несколько глотков прямо из горла. Только после этого Леонид Андреевич немного успокоился, но перед его взором ещё долго стоял напавший на него умалишённый, а чесночная вонь даже теперь не отпускала его.

Тут он вспомнил слова Нагаева о том, что один из прежних начальников ГУУНО сошёл с ума, и предположил, что это и был тот самый его предшественник.

«Да что ж это такое делается? – подумал Леонид Андреевич, налив себе из бутылки полную рюмку. – Сумасшедшие разгуливают по улицам и набрасываются на прохожих. А если он опасен и может совершить насилие?.. А если он вообще маньяк?..»

Он живо представил себе, как бородатый маньяк бежит за ним, размахивая большим ножом и выкрикивая разные матерные слова и угрозы. Картина получилась кошмарной, и Леонид Андреевич снова поспешно выпил, потому что он не был героем и суперменом и остро нуждался сейчас в средстве от страха...

7. Полковник Бекасов

Как и пообещал Нагаев, референт появился в ГУУНО уже на следующее утро. Это был статный мужчина среднего роста, лет пятидесяти пяти, с ёжиком серых, местами тронутых сединой волос. Вёл он себя как уверенный в себе человек, имеющий за плечами богатый жизненный опыт.

– Полковник милиции в отставке Бекасов Василий Иванович, – представился он Леониду Андреевичу. – Готов немедленно приступить к работе.

– Это очень хорошо. – Авоськин внимательно оглядел своего нового референта и остался доволен. – Никодим Наумович посвятил вас в детали вашей работы?

– В общих чертах, – ответил Бекасов. – Сказал только, что вам требуется именно такой человек, как я, то есть обладающий специфическими навыками.

– Да-да, всё так и есть. – Леонид Андреевич покинул своё уютное кресло и подошёл к полковнику, чтобы рассмотреть его поближе. – Именно такой мне и нужен. Не исключено, что понадобится проводить некоторые... хм... специфические мероприятия. Слежки, засады, погони и прочее... Вы ведь всё это умеете, не так ли?

– Двадцать пять лет оперативной работы, – с самодовольным видом сообщил Бекасов. – Четыре командировки на Кавказ... За одну из них награждён медалью «За отвагу». Имею и другие боевые награды.

Леонид Андреевич с грустью вздохнул, потому что не имел боевых наград, да и не боевых – тоже. У него было много всяких грамот, но вот с медалями и орденами как-то не задалось.

«Ничего, на этой должности точно что-нибудь получу, – мысленно утешил он себя. – Главное, добиться высоких показателей в работе. Нужны достижения и успехи, нужно проявить себя...»

– На моём счету три пойманных маньяка, – продолжал говорить о себе Бекасов, – не считая множества прочих преступников.

– Три маньяка? – Леонид Андреевич покачал головой. – И чем же они занимались?

– Как обычно. – Бекасов осклабился. – Насиловали, убивали, ели других людей.

– Да что вы говорите? – Авоськин поёжился. – И кого же они насиловали?

– Девушек, в основном, – спокойно ответил полковник. – Один потом их душил, а другой резал.

– Какой кошмар... – Леонид Андреевич внутренне содрогнулся, представив, как маньяки насиловали и убивают девушек. – А третий?

– А третий не насиловал. Он только убивал людей и ел человечину, подлюка.

– И что, всех поймали?

– Всех. – Бекасов расплылся в довольной улыбке. – Лично я их и брал... с коллегами. Одного даже подстрелил из табельного оружия. В задницу. Крови с него натекла целая лужа. – Неожиданно шагнув вперёд, Бекасов быстро и больно ткнул Леонида Андреевича пальцем в ягодицу. – Когда пуля попадает в задницу, крови всегда много. Я на Кавказе это видел пару раз.

– А маньяков-то посадили? – продолжил любопытствовать начальник ГУУНО, на всякий случай, сделав шаг назад.

– Пожизненно. – Бекасов прошёл к столу и сел на крайний стул. – Душновато у вас тут. Наверное, кондиционер уже слабо тянет.

– Да, вроде, нормально. – Леонид Андреевич прислушался к звуку работающего кондиционера.

– А вообще, неплохой кабинет, – оценил Бекасов, разглядывая обстановку. – Я-то в них знаю толк. У меня их несколько было... Ну, ничего, по прогнозу, скоро похолодает. А в буду-

щем году обязательно надо новый кондиционер купить. Кстати, я бы чайку попил, а то в горле першит.

– Чайку? – Леонид Андреевич слегка растерялся от такой бесцеремонности своего референта. – А, конечно-конечно.

Он подошёл к двери и выглянул в приёмную.

– Маргарита Генриховна, сделайте нам, пожалуйста, два чая.

– Мне зелёный! – крикнул из глубины кабинета Бекасов.

– Два зелёных, пожалуйста, – добавил Авоськин и, закрыв дверь, прошёл на рабочее место.

В ожидании чая полковник пару минут сидел молча, но затем, видно, не выдержав столь долгого безмолвствия, опять заговорил.

– В интересное время мы живём. Можно даже сказать, в новую эпоху.

– Вы так считаете? – спросил Леонид Андреевич.

– Безусловно. Происходит, так сказать, становление новой общественной формации. Россия превращается в крепкое государство с новой элитой. По сути, в стране построен этапный административный капитализм. Ничего подобного история ещё не знала! – Бекасов пришёл в возбуждение. – Ведь это же здорово! Буржуи работают на государство. Об этом можно было только мечтать. Коммунисты и то не смогли сделать ничего подобного. Да, была когда-то *НЭП, но это не то... Причём, бывшие преступные авторитеты и «воры в законе» стали вдруг законопослушными бизнесменами и вполне открыто сотрудничают с органами власти. В «лихие девяностые» мы с ними боролись, боролись и никак не могли их одолеть, а тут они сами завязали со своим преступным прошлым... Нет, всё-таки наш Президент – гений стратегического мышления... Он в каждом сложном вопросе находит неожиданное решение, такое, которое ставит всех в тупик. Неординарный подход ко всему. Вот и в этом деле... Взять, хотя бы, нашего Нагаева...

– А что Нагаев? – насторожился Леонид Андреевич.

– Да то... Кто бы мог двадцать лет назад подумать, что он станет чиновником такого высокого уровня? Никто, и я в том числе...

– Давно знаете Никодима Наумовича? – осторожно спросил Авоськин.

– Давно. – Бекасов осклабился. – Я тогда ещё был совсем зелёным опером-летёхой и только начинал свою карьеру в органах... Да, были времена... А Нагай уже руководил одной из местных бригад... Потом она развалилась. Многих посадили, а некоторые свалили в столицу, и он тоже... Через несколько лет, когда всё утихло, Нагай вернулся сюда и сразу перекрасился в честного бизнесмена. Вот так-то... Но, конечно, такие люди, как известно, в определённых кругах всё равно имеют вес...

В кабинет вошла Маргарита Генриховна и поставила на стол две чашки с чаем и вазочку с шоколадными конфетами.

– Ещё распоряжения будут? – спросила она так, будто была какой-нибудь графиней или даже княгиней.

– Пока нет, спасибо, – ответил Леонид Андреевич, размышляя о Нагаеве.

Едва секретарша вышла, как Бекасов скорчил глумливую физиономию и зацокал языком.

– Ух, какая женщина, – вождённо произнёс он. – С такой, как говорится, можно и в огонь, и в воду.

– Вы так считаете? – Начальник ГУУНО посмотрел на дверь, потом – на полковника. Почему-то ему не приходила в голову мысль побывать с Маргаритой Генриховной в огне и в воде.

– Однозначно. – Бекасов подмигнул Леониду Андреевичу. – У меня на таких глаз намётан.

– Старовата, – попытался возразить Авоськин.

– Да ну, самое то, – не согласился с ним референт. – У неё уже есть опыт и женская мудрость. Молодым ещё фору даст. Она же как в последний бой... С такой зажечь – сплошное счастье. Ух... – Он потряс в воздухе сжатыми кулаками. – Я знаю, что говорю. У меня была одна такая.

Полковник порылся в вазочке и взял пару конфет.

– О, местная фабрика... Мне они нравятся... Так вот, значит... А известный наш бизнесмен Вуныкин Борис Семёнович?.. Как говорится, владелец заводов и пароходов доморощенный... Он же – Боря Шкипер... Тоже ведь в девяностых был отъявленным бандитом. Даже разок на зоне чалился. А теперь вон кем стал... Такие вот дела... Или другой наш известный бизнесмен и депутат... Ну, вы поняли, о ком я... Когда-то он, по оперативным данным, был причастен к одной из московских группировок... Ну и что? Сейчас-то весьма уважаемый человек...

Леониду Андреевичу стало страшно от этих рассуждений полковника.

– Василий Иванович, я не понимаю... Зачем вы всё это мне говорите? С какой целью? – Его голос предательски дрогнул. – Какое отношение всё это имеет к нашей работе?

– Да я так, собственно... – Бекасов развёл руками, в каждой из которых он держал по конфете. – Думал, вам это интересно.

– Нет, мне это совершенно неинтересно! – вспылил Леонид Андреевич. – Давайте по существу.

– Ну хорошо, давайте... – Полковник втянул голову в плечи. – Я же ничего такого... Просто говорю, что в интересное время живём... Были бандиты, а теперь...

– Прекратите! – взвизгнул начальник ГУУНО. – Я ничего не хочу знать про ваших бандитов!

– Они не мои, – буркнул Бекасов и стал разворачивать одну из конфет.

– Тем более. – Леонид Андреевич, чтобы успокоиться, тоже взял конфету. – Бандиты остались в нашем прошлом. Теперь есть уважаемые люди.

– Так я ж о том и говорю. – Бекасов громко втянул ртом горячий чай. – Теперь все они стали солидными людьми. Перевоспитались, так сказать, перековались. Чудеса, да и только...

– Да, они поняли, что нужно жить честно. Прошли те времена, когда в стране царил криминальный беспредел. – Леонид Андреевич почувствовал себя уверенней, нащупав подходящую тему. – Теперь эти... хм... господа честным трудом искупают вину перед обществом. Между прочим, благотворительностью занимаются. Детские коляски людям дарят, деньги дают разным организациям, о стариках заботятся, о бездомных...

– Ну да, ну да, – глядя в чашку, сказал Бекасов. – Заботятся... Типа, тимуровцы современные.

– И не надо иронии, Василий Иванович. Если они кого-то когда-то и убили или ограбили, то это, как говорится, дела давно минувших дней. Все мы делали в молодости ошибки и глупости.

– Ну да, ну да, – повторил Бекасов, разворачивая вторую конфету. – Ошибки делали, это точно. А уж глупости так и вовсе. До сих пор жалею, что не застрелил кое-кого при задержании. Наивным тогда был, верил в торжество закона... Ладно, бог с этим прошлым. Надо жить будущим.

– Вот это правильно. – Леонид Андреевич повеселел. – Надо думать о том, чтобы будущее нашей страны было прекрасным, чтобы людям в ней жилось всё лучше и лучше. В целом...

– Ну, если в целом, то да, – сказал Бекасов и снова громко втянул в себя чай.

В кабинет вновь вошла Маргарита Генриховна.

– К вам тут какая-то старушка.

– Опять старушка? – расстроился Леонид Андреевич. – Да что ж это такое? С этими старушками прямо беда. Всё ходят и ходят... Казалось бы, какие уже нужды, когда не сегодня

завтра помирать?.. Ан нет, подавай им то да сё... Больше всего беспокойства от них и идёт... Скажите ей, пусть подождёт. У меня важный разговор.

– Она очень сердита. – Секретарша скорчила злую рожицу.

– Сердита? – Леонид Андреевич насторожился. – Чего ж это она сердита?

– Она сказала, что наше ГУУНО её обмануло.

– Наше ГУУНО? – Рука Леонида Андреевича с чашкой застыла в воздухе на полпути к рту. – Каким же таким образом? У нас ведь приличное учреждение, а не какая-нибудь шарашкина контора... – Он поставил чашку. – Мы все нужды добросовестно учитываем, как положено. Не могли мы старушку обмануть. Тут что-то не так.

– Да, здесь явно какой-то подвох. – Бекасов тоже поставил чашку и очень серьёзно посмотрел на Леонида Андреевича. – Или... западня. Может, на всякий случай, ОМОН вызвать? А то вдруг она сумасшедшая? Ещё нападёт на вас, чего доброго.

Леонид Андреевич красочно представил, как сумасшедшая старуха врывается в его кабинет и бросается на него с кухонным ножом, пытаясь перерезать ему горло. От такой жуткой картины у начальника ГУУНО всё внутри похолодело.

Бекасов встал и, подойдя на цыпочках к двери, прислушался.

– Она не в чёрном платке? – спросил он секретаршу.

– Нет, – ответила Маргарита Генриховна. – Она без платка.

– А чёрный платок тут причём? – обеспокоился Леонид Андреевич.

– Ну, если в чёрном, то это может быть шахидка, – пояснил полковник. – Я одну такую видел на Кавказе. Пришла в отдел милиции, вся тихая и кроткая, а потом как заорёт «Аллаху Акбар!», и всё.

– Что всё? – слабо спросил Леонид Андреевич, чувствуя, как затряслись поджилки.

– Да то... Взорвала себя. – Бекасов скорчил скорбную мину. – Двоих на куски, а ещё четверых осколками посеколо. Меня тогда броник спас. Если бы не он, сейчас бы я тут не стоял. Правда, контузило, зараза.

– Броник? – переспросил начальник ГУУНО.

– Ну да. Бронежилет.

Теперь в голове Авоськина возникла другая, не менее жуткая, картина – старушка-смертница вбегает в кабинет и, с перекошенным от иступления лицом фанатички, приводит в действие взрывное устройство, закреплённое у неё на поясе, разнося на куски всех, находящихся в кабинете.

– А у нас тут, случайно, нет бронежилета? – Обратился он к секретарше, стараясь прогнать из головы гнетущее виденье.

– Да, вроде, не было. – Маргарита Генриховна побледнела. – Так что будем делать со старушкой?

– Сюда её впускать нельзя, – задумчиво произнёс Бекасов. – Она ведь может нас и в заложники взять.

– За-зачем? – Леонид Андреевич окончательно пал духом, уже не надеясь на лучшее.

– Ну, мало ли... К примеру, выдвинет какие-нибудь требования.

– Требования? – Начальник ГУУНО вскочил и спрятался за своё кресло. – Господи, какие ещё требования?

– Да какие угодно! – Полковник подпёр спиной дверь. – Ну, может потребовать, например, отставки Губернатора... или даже Президента... а может, вообще, потребует смены власти в стране. Кто знает, что у неё на уме?..

– Нет, мы не должны этого допустить. – Леонид Андреевич впал в отчаяние. – Мы должны это предотвратить. Хоть как-нибудь...

– Да, нужно что-то делать. – Бекасов почесал гладко выбритый подбородок. – А то ещё решат, что мы с ней заодно, и тогда уж разбираться не будут...

– В смысле? Что значит, не будут? – У Авоськина подкосились ноги.

– Да то и значит! – Бекасов чиркнул по своему горлу большим пальцем. – Снайпер всех нас положит здесь, и всё.

– К-какой с-снайпер? – начал заикаться Леонид Андреевич.

– Ну, как это, какой? – Полковник кисло усмехнулся. – Вы что, фильмы не смотрите? В таких операциях без снайпера никак...

В этот момент в дверь кто-то постучал, а затем ручка двери начала поворачиваться.

Бекасов среагировал молниеносно. Он схватил двумя руками дверную ручку, не давая ей опуститься вниз.

Леонид Андреевич в ужасе застыл на месте, не отрывая взгляда от двери и Бекасова. Всё происходящее скорее походило на какой-то фильм ужасов, чем на действительность.

– Тащите сюда стол! – распорядился полковник, который не терял хладнокровия даже в эти драматические минуты.

Авоськин и Маргарита Генриховна бросились к столу, стоявшему вдоль окон, и за несколько секунд передвинули его к двери, надёжно забаррикадировав её.

Тем временем в дверь опять кто-то постучал, а затем из приёмной донёсся голос заместителя начальника ГУУНО по общим вопросам Брехайло.

– Леонид Андреевич, у вас там всё в порядке?

– Да-да, всё в порядке, – дрогнувшим голосом ответил Авоськин.

– Мне можно войти? – спросил Брехайло.

– А старушка где? – крикнул ему Авоськин.

– Какая старушка? Нет тут никого! – после паузы ответил Брехайло.

Бекасов поднял к губам указательный палец.

– Кто это? – шёпотом спросил он.

– Это мой зам по общим вопросам, – так же шёпотом ответил Авоськин.

– Может, он с ней заодно?

– Да нет, это вряд ли, – решительно отверг такое предположение Леонид Андреевич. – Он не способен.

– Тогда, возможно, она его захватила, – прошептал Бекасов, – и заставила так сказать. Нужно как-то проверить.

– А как? – тоже шёпотом спросил Леонид Андреевич.

– Позвоните какому-нибудь надёжному сотруднику и попросите его аккуратно заглянуть в приёмную, а потом перезвонить вам из своего кабинета.

Кивнув, Леонид Андреевич подбежал к своему столу и, немного подумав, схватил телефон. Он набрал номер начальника Тринадцатого отдела, которого посчитал наиболее подходящим в этой ситуации.

– Начальник Тринадцатого отдела слушает, – раздался в трубке голос Бурина.

– Виктор Олегович, у меня к вам необычайно важная и срочная просьба, – быстро заговорил в трубку начальник ГУУНО. – Осторожно загляните в мою приёмную, а потом вернитесь к себе, перезвоните мне и опишите всё, что вы увидите там. Только сами ни во что не вмешивайтесь и будьте очень осторожны.

– Это всё настолько серьёзно? – подумав, вполне спокойно спросил Бурин, ничуть не удивившись такой просьбе.

– Да! Это более чем серьёзно.

– То есть, чтобы я там ни увидел, я не должен вмешиваться? Я вас правильно понял?

– Да, правильно. Но предупреждаю, это может быть опасно.

– Хорошо, я сделаю то, о чём вы просите, – снова подумав, заверил Авоськина Бурин. – Ждите моего звонка...

В этот момент в дверь опять постучали – уже более требовательно, а затем опять подал голос Брехайло.

– Леонид Андреевич, может, вам плохо? Почему вы не открываете?

– Подождите пару минут, Иван Иванович! – крикнул в ответ Леонид Андреевич. – У меня тут очень важный разговор.

Потянулись томительные минуты ожидания, в течение которых Авоськин пытался предположить, как будет действовать дальше старуха-террористка.

– А если она взорвёт дверь? – шёпотом спросил он у Бекасова.

Полковник подошёл к одному из двух окон и, открыв его, выглянул наружу, оценивая местность.

– Можно прыгнуть, – сделал он вывод. – Внизу чисто.

Леонид Андреевич похолодел от мысли, что ему придётся прыгать со второго этажа. Даже в детстве он не лазил по стройкам и не прыгал там на песок, как это делали другие пацаны. Он вообще никогда не занимался всякими безрассудными глупостями.

– Давайте подождём, – предложил он, с нетерпением ожидая звонка начальника Тринадцатого отдела. Это затянувшееся ожидание становилось просто невыносимым.

И вот, наконец, гнетущую тишину, воцарившуюся в кабинете, триумфально разорвал долгожданный телефонный звонок, показавшийся Леониду Андреевичу неправдоподобно громогласным. Трясущейся рукой он схватил трубку и изо всех сил выкрикнул заветное слово.

– Алло!

– Я всё сделал, – произнёс в трубке голос Бурина.

– Что вы видели в приёмной? – спросил Леонид Андреевич. – Опишите всё подробно, вплоть до мелочей. Это очень важно.

– Я видел там вашего заместителя по общим вопросам Брехайло Ивана Ивановича, – ответил Бурин. – Он стоял под дверью вашего кабинета, прислонившись к ней правым ухом, как будто подслушивал.

– Дальше! – потребовал Леонид Андреевич.

– Всё, – ответил начальник Тринадцатого отдела.

– Что значит, всё? – спросил начальник ГУУНО.

– То и значит, – ответил Бурин. – Больше я там никого и ничего не видел, кроме обычной обстановки.

– А старушку вы там не видели? – спросил Леонид Андреевич.

– Нет, старушку я не видел.

– Вы хорошо смотрели? – не поверил Авоськин. – Она могла спрятаться за столом секретарши.

– Нет, никаких старушек в приёмной не было, – уверенно ответил Бурин. – Я бы их всех обязательно заметил. И под стол я тоже заглянул.

– Странно...

Леонид Андреевич немного растерялся. Он ожидал услышать что угодно, но только не то, что старушки в приёмной нет. Это было очень подозрительно.

– Если хотите, я загляну ещё раз, – предложил начальник Тринадцатого отдела.

– Не надо, – подумав, сказал начальник ГУУНО. – Спасибо вам, Виктор Олегович. Вы оказали мне неоценимую помощь.

– Пожалуйста, – ответил Бурин. – Я рад, что оказал вам такую помощь. Скажите, это, случайно, не связано с чертовщиной?

– Вряд ли. Пока что я не могу посвятить вас во все подробности.

– Я понял. Если что, звоните ещё.

– Хорошо. – Леонид Андреевич положил трубку и облизал пересохшие губы. – Что будем делать?

– Нужно открывать, – поразмыслив, сказал Бекасов. – А там – по ситуации.

Вдвоём они передвинули стол на прежнее место, и только после этого, по знаку начальника ГУУНО, Маргарита Генриховна открыла дверь.

– Входите, Иван Иванович, – произнесла она и отступила в сторону.

Брехайло осторожно вошёл в кабинет и несколько секунд поочерёдно пристально разглядывал всех присутствующих, словно пытался представить, что они втроём здесь делали.

Леонид Андреевич вдруг подумал, что заместитель его мог предположить чёрт знает что, видя перед собой двух взволнованных мужчин и не менее взволнованную женщину.

– Что у вас, товарищ Брехайло? – строгим голосом спросил он, заняв своё кресло.

– Да я тут это... – Иван Иванович явно был обескуражен своими догадками. – Принёс на подпись заявку...

– Давайте вашу заявку.

Брехайло, подозрительно поглядывая на Бекасова, подошёл и положил на стол какую-то бумагу.

Леонид Андреевич подписал её не глядя, потому что буквы разбегались у него перед глазами – происшествие со старухой-смертницей, которую никто не видел, всё ещё сильно беспокоило его, внося в разум сумятицу.

– Кстати, Иван Иванович, это мой новый референт, – представил он полковника. – Бекасов Василий Иванович. Так что, прошу любить и жаловать.

– Любить не обязательно, – тут же вставил своё веское слово Бекасов.

Брехайло попытался выдавить из себя улыбку, но она получилась чересчур натянутой и перекошенной.

– Я могу идти? – спросил он, склонив набок голову.

– Да-да, можете...

Кивнув, заместитель по общим вопросам пошёл к двери.

– Иван Иванович! – крикнул ему вслед Леонид Андреевич.

Брехайло запнулся и чуть не упал, но сумел таки удержать равновесие и обернулся, глядя с каким-то животным ужасом.

– Вы старушку в приёмной не видели?

– Ста... ста-рушку? – переспросил, заикаясь, Бренхайло. – Ка-каку-ю ста-арушку?

– Ну, какую-нибудь, – пожал плечами Леонид Андреевич. – Любую старушку.

– Возможно, она была в чёрном платке, – добавил Бекасов.

– Нет, не видел. – Брехайло выглядел так, будто вот-вот расплчется.

– Наверное, она ушла, – предположила Маргарита Генриховна.

– Наверное, ушла, – повторил за ней, как эхо, Брехайло.

Леонид Андреевич вопросительно взглянул на Бекасова.

– Нужно тщательно осмотреть приёмную, – произнёс тот, хмуро разглядывая Ивана Ивановича. – Чтобы не было сюрпризов. А то был у меня на Кавказе случай... Старичок один зашёл в здание отдела и подложил там хреновину. В итоге четыре двухсотых...

– Да, нужно осмотреть, – согласился начальник ГУУНО. – Маргарита Генриховна, будьте добры, проверьте всё тщательно. Только осторожно там...

– Если обнаружите посторонний предмет, не трогайте его, – добавил Бекасов.

– Хорошо. – Секретарша кивнула и вышла.

Брехайло же застыл на месте, как будто наступил на мину и боялся сойти с неё.

– Иван Иванович, вы можете идти, – отпустил его Леонид Андреевич. – Мы тут сами управимся.

Заместитель молча повернулся и гусиными шажками покинул кабинет.

Только теперь Леонид Андреевич вспомнил про недопитый чай и потрогал чашку.

– Остыл, – с сожалением констатировал он.

– Это не страшно, – задумчиво произнёс Бекасов и несколькими большими глотками допил свой чай.

– Я доложу о происшествии Никодиму Наумовичу. – Авоськин решил не допивать остывший чай и отодвинул чашку подальше. – И отмечу ваше мужественное поведение в критической ситуации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.